

ИЗ НАСЛЕДИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ 60-х ГОДОВ

I. НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА

Публикация Н. Бельчикова

Революционная поэзия шестидесятников не только не изучена как следует, но даже и не обследована и не собрана. Многие интересные писатели забыты вместе с книгами журналов того времени, где они печатались (напр., Н. Вормс, Ф. Волховский и др.). Многие страницы этой поэзии погребены до сих пор в недрах архивов тех учреждений, которые вели борьбу с революцией и ее представителями в 60-е годы. Так именно случилось и с поэзией Н. А. Серно-Соловьевича.

Публикуемые его стихотворения, написанные им во время пребывания в Петропавловской крепости в 1862—1865 гг., были захвачены жандармами и пролежали около 70 лет в неизвестности. Пусть в художественном отношении эти стихи не являются первоклассными,—их ценность в том, что они представляют собой выражение настроений и взглядов одного из крупнейших представителей революционно-демократического лагеря и видного участника революционного движения тех лет. Н. А. Серно-Соловьевич вместе с Н. Г. Чернышевским, А. А. Слепцовым, Н. А. Обручевым и В. Курочкиным принимал близкое участие в создании подпольной организации 60-х годов — «Земля и Воля».

Он родился в 1834 г. в дворянской семье. Детство его прошло в тяжелых столкновениях с семейным укладом. Об этих условиях мы знаем из письма его брата А. А. Серно-Соловьевича, который был моложе Н. А. на 4 года, к другу детства Ив. Ив. Шамшину от 1 марта 1857 г. «Детство мое—борьба с семейством, с существующим у нас порядком, ряд наказаний, побегов, запираний в дворницкую, розог (об одном из таких бесчеловечных поступков я и теперь не могу равнодушно вспомнить, хотя это было лет 8 тому назад)»¹.

В 1853 г. Н. А. окончил Александровский Лицей, где учился в свое время Пушкин, и стал служить. Убедившись на практике, что подготавливаемая реформа «освобождения крестьян» ведется в интересах помещиков, Н. А. Серно-Соловьевич подал в 1858 г. особую «Записку», в которой смело заявил царю о нарушении интересов крестьянства. Герцен в письме к Александру II от 2 мая 1865 г. в связи с этим писал: «Свободных людей, поднимающих голос, вы казните. Был человек, убежденный, что вы хотите добра России, молодой, чистый и благородный; он пробился до вас, вы велели Орлову его поцеловать в 1859 г., а в 1863 году бросили его в каземат, где он теперь в ожидании сентенции, это — Серно-Соловьевич»².

Арестован был Н. А. Серно-Соловьевич 6 июня 1862 г. одновременно с арестом Ветошниковца, у которого были найдены письма Герцена, Огарева и В. Кельсевича к Серно-Соловьевичу.

Недавно опубликованные письма Н. А. Серно-Соловьевича к Н. С. Кашкину, петрашеву и фурьеристу, свидетельствуют о том, что первый в начале 60-х годов пережил сложную и интересную эволюцию взглядов. В письме к Н. С. Каш-

кину 25 ноября 1859 г. он заявляет о разрыве с руководящей разрешением крестьянского вопроса либеральной группой в Калуге и о решительном переходе своем на сторону демократического лагеря, возглавляемого Чернышевским и «Современником»: «Оставаться теперь на службе, подавать руку направлению,— писал Н. А.— которому не сочувствуешь и в которое не веришь, решительно не следует. Что дела пойдут к лучшему—в этом не может быть сомнений; старое здание, если не будет разрушено, рухнет само; столбы сгнили и подрублены». И дальше о перемене политических взглядов: «Другое изменение,—пишет он в том же письме,— «Современнику» отдаю полное предпочтение перед «Русским Вестником» (в те годы этот журнал держался еще либеральных позиций), говоря собственно о политике; Чернышевского ставлю положительно во главе наших публицистов. То же решение, которое принял я, от души рекомендую и вам»⁴.

Наблюдения над политической жизнью Западной Европы (Англия, Бельгия, Швейцария, Франция, Италия) во время поездок в 1859—1861 гг. и сближение с Герценом и особенно Огаревым окончательно убедили Н. А. Серно-Соловьевича в необходимости революционного переворота в России. Изданную в Берлине свою брошюру «Окончательное решение крестьянского вопроса», в которой главное внимание уделено критике проводимой реформы 19 февраля 1861 г., Н. А. Серно-Соловьевич закончил призывом к революционной деятельности:

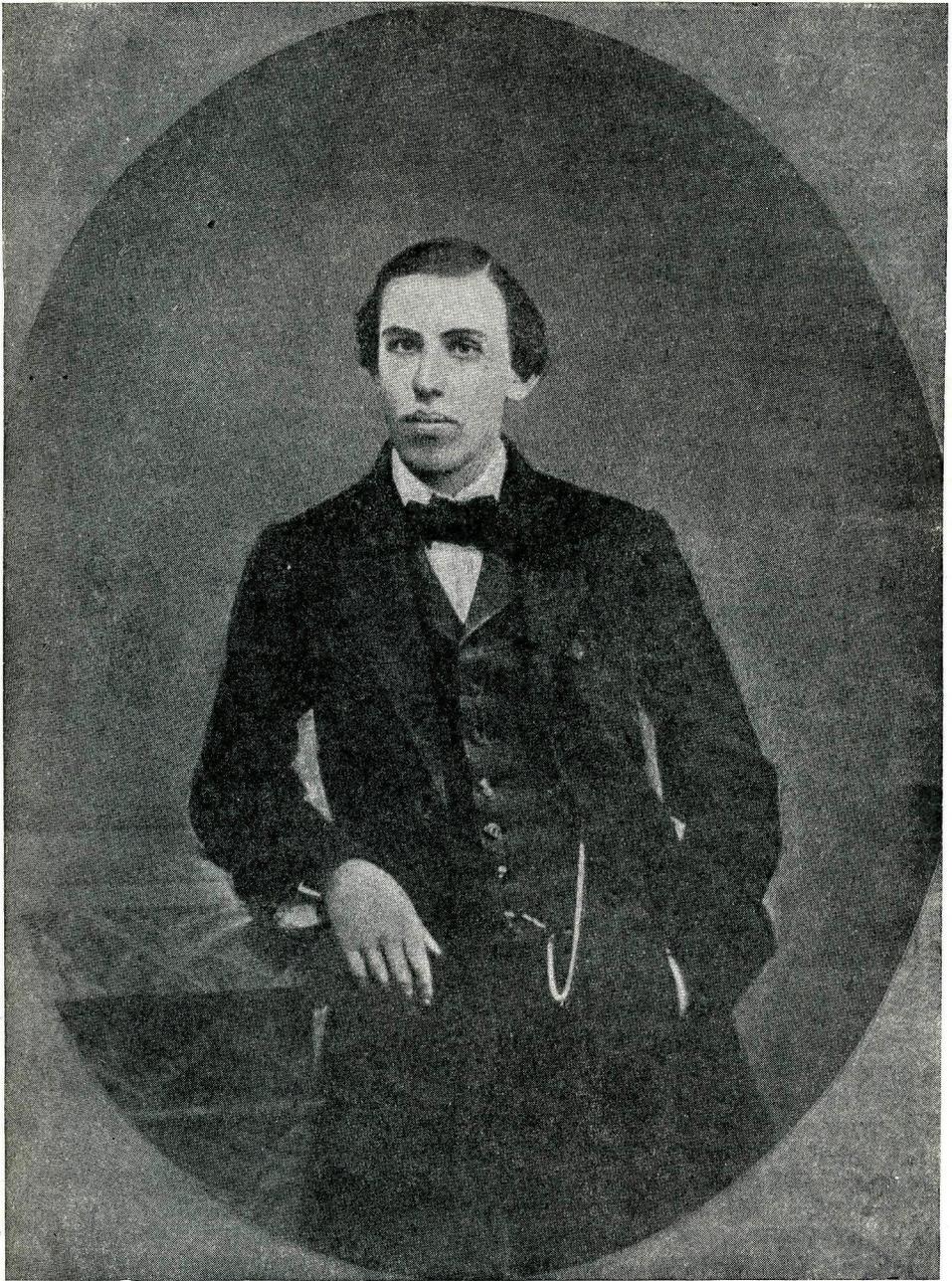
«Настоящий общественный быт,—писал Н. А. Серно-Соловьевич,—окончательно сгнил на корне, и людям, достаточно смелым, чтобы осознать это, ничего не остается делать, как собирать силы для создания, вместо него, нового, лучшего порядка».

По возвращении из-за границы он и приступил к организации тайного общества «Земля и Воля», в основу деятельности которого была положена составленная Н. А. Серно-Соловьевичем вместе с Н. П. Огаревым, Н. А. Обручевым, А. А. Слепцовым и М. Л. Налбадяном прокламация «Что нужно народу» (напеч. в № 102 «Колокола» за 1861 г.).

В 1861—1862 гг. Н. А. Серно-Соловьевич занимался преимущественно общественной деятельностью. Он устроил книжный магазин и библиотеку при нем, организовывал воскресные школы, публичные лекции и диспуты и, главным образом, сосредоточил свои усилия на издании просветительной литературы: Гервинуса «История XIX века», Герцена, стихотворений М. И. Михайлова и др.⁴

В конце 1861 г. он вошел в состав «артели» вместе с 26 видными беллетристами и публицистами: Г. З. Елисеевым, Н. В. Шелгуновым, Н. Г. Помяловским, Н. Успенским и др., издававшей журнал «Век». Однако, вскоре же обнаружилось расхождение внутри редакции. Поводом послужила статья Н. А. Серно-Соловьевича «Мысли вслух», в которой автор, полемизируя с либералами, в то же время высказал подлинно революционные взгляды. Основные пункты социально-демократической программы Н. А. Серно-Соловьевич формулировал в этой статье с предельной ясностью, противопоставив их либеральной болтовне: «Те, (т. е. либералы), которые хотят быть его (т. е. народа) благодетелями, не знают и не любят его, а хотят только им воспользоваться, как орудием для собственных выгод. Те только искренно хотят действовать за народ, формула которых: «Все для народа и только народом!» По поводу этой статьи мнения редакции разделились и, по рассказу Н. В. Шелгунова, эта статья послужила причиной раскола в редакции. «Собрание,—рассказывает Н. В. Шелгунов,—было бурное и горячее. Запальчивее всех говорил Серно-Соловьевич, настаивавший на том, что нам нужно иметь свой орган. Когда Г. З. Елисеев спросил: для чего нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил: «Для того, чтобы во всякую минуту, когда в нем будет нужда, он был готов». В другом месте своих воспоминаний Н. В. Шелгунов более откровенно передает ответ Серно-Соловьевича на тот же вопрос Г. Елисеева: «Орган нужен на случай восстания»⁵.

В конце 1861 г. или начале 1862 г. вместе с 72 общественными деятелями

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ

Фотография 50-х гг.
Музей Революции, Москва

того времени Н. А. Серно-Соловьевич подписал докладную записку — протест по поводу лишения А. П. Шапова профессорской кафедры и ссылки его в монастырь за речь о восстании крестьян в Бездне (Казанской губ.).

Н. А. Серно-Соловьевич был, действительно, видной и заметной фигурой в общественной жизни того времени. В своих показаниях, данных им во время пребывания в Петропавловской крепости, он сам говорит об этом: «В 1859 году я участвовал в занятиях калужского губернского комитета по крестьянскому делу. Его занятия обратили на себя внимание. Он первый просил и получил разрешение составить проект выкупного положения, за что ему было объявлено удовольствие е. и. величества. Все это не нравилось людям, не сочувствовавшим реформе. Я был в комитете не более как делопроизводитель, но как мое имя было уже связано с крестьянским вопросом, то неудовольствие падало на меня. Затем я обратил общественное внимание на злоупотребления в акционерных компаниях. Люди, злоупотреблявшие властью, объявили меня революционером. Название было подхвачено недовольными моими действиями по крестьянскому делу и с тех пор пошло в ход». Нам попался один неизданный документ, из которого видно, что и литературная деятельность Н. А. Серно-Соловьевича привлекала также к себе внимание со стороны органов наблюдения еще в то время, когда он был в Калуге. Так, подполковник Смирнов, штаб-офицер корпуса жандармов в Калуге, 4 марта 1862 г. доносил III отделению, что «в издаваемом изгнанником Герценом журнале «Колокол» (№ 107 за 15 сентября 1861 г.) напечатана присланная из России статья, весьма возмутительного и преступного содержания под заглавием «Ответ великороссу» за подписью «Один из многих». При происшедшей между калужскими дворянами в 1859 г. печатной полемике по случаю открытия в г. Калуге женской гимназии была напечатана в «Московских Ведомостях» № 117 того же 1859 г. статья с таковою же подписью «Один из многих». По собранным сведениям статья эта была написана Н. А. Серно-Соловьевичем, находившимся тогда в калужской редакционной комиссии по составлению проекта Положения о помещичьих крестьянах. По общим отзывам Серно-Соловьевич весьма часто высказывал в суждениях своих нерасположение к существующему в России государственному управлению и выражал особенное сочувствие к изгнаннику Герцену, потому предполагают, что напечатанная в журнале «Колокол» статья должна быть также написана г. Серно-Соловьевичем»⁹.

Три года ожидал в каземате Н. А. Серно-Соловьевич приговора на каторжную работу в Сибирь. Он сидел в № 16, одновременно с Чернышевским, который занимал № 11, и И. А. Обручевым, бывшим в № 10. За это время он усильно работал и писал. Опубликованные раньше М. К. Лемке (в его книге «Очерки освободительного движения 60-х годов», 2-е изд., СПб. 1908 г.) и недавно Е. Сафоновой (в сб. «Революционное движение 60-х годов», изд. Политкаторжан, М. 1933) публицистические статьи и социально-экономические трактаты могут быть дополнены сведениями о его переводах (напр., Шлоссера, о чем Н. А. Серно-Соловьевич сообщает в своем письме брату В. А. от 7 сентября 1863 г. из крепости—см. в назв. работе М. К. Лемке, 2-е изд. 1908, стр. 96, а также Байрона), сведениями о больших литературно-художественных произведениях (песах, стихах) и, наконец, публикацией 7 небольших его стихотворений. В деле III отделения («О революционном духе народа в России и о распространении возмутительных воззваний. О братьях Серно-Соловьевичах и Г-же Энгельгардт», 1862, 1 эксп. № 230, часть 54) сохранились публикуемые ниже неизвестные доселе, запрятанные в пакет «вещественных доказательств» лирические и политические стихи Н. А. Серно-Соловьевича. Посылая 5 августа 1863 г. письмо брату Владимиру Александровичу, Н. А. приложил к нему 6 стихотворений, разнообразных по жанрам и интересных по содержанию. 17 августа того же года было направлено и также задержано жандармами вместе с письмом к брату (тексты писем воспроизводим далее после текста стихов) новое лирическое стихотворение («Даме, приславшей букет»). В декабре 1864 г., как видно из дела, были

посланы деду и матери стихи через коменданта крепости; эти стихи после вмешательства и письменного протеста Н. А. Серно-Соловьевича, надо думать, были вручены по назначению. Наконец, из донесения коменданта крепости 29 апреля 1865 г. узнаем, что Н. А. Серно-Соловьевич представил ему четыре тетради литературных произведений; это были 1) «Андроник», драматическое стихотворение в 5 действиях; 2) «Кто лучше», драматическое стихотворение в 5 действиях; 3) «Из былого», комедия в 5 действиях; 4) «Кайн»—мистерия лорда Байрона, перевод с английского в стихах. Автор просил препроводить тетради брату. На донесении коменданта есть резолюция: «так как приговор уже объявлен, то исполнить желание Серно-Соловьевича», согласно которой, очевидно, эти тетради со стихами были переданы и их в деле нет. Остальные стихи уцелели; их задержали, и III отделение похоронило их за пыльной обложкой дела.

Одно из более поздних стихотворений («Пусть другие здесь пишут стихи»), написанное уже в Иркутске в 1865 г., было известно в печати по неточной публикации М. К. Лемке в названной его книге «Очерки освободительного движения 60-х годов» (2-е изд. 1908, стр. 226—227); затем оно было перепечатано О. К. Булаковой-Трубниковой в ее книге «Три поколения» (Гиз. 1928, 2-е изд., стр. 83) и тоже не совсем точно.

Количество написанного Н. А. Серно-Соловьевичем во время заключения в Петропавловской крепости значительно. Как и Чернышевский, который о себе сказал, что в рavelине он знал два положения: «сiju и лежу» и два занятия: «читаю и пишу», Н. А. Серно-Соловьевич упорно и неутомимо работал и писал. Важно отметить и другое обстоятельство. Публикуемые стихотворения позволяют утверждать, что политическое сознание заключенного в каземате Н. А. Серно-Соловьевича не снизилось, а выросло, повысилась и степень его революционной настроенности. Свои докладные записки и трактаты по вопросам государственного устройства Н. А. Серно-Соловьевич писал и представлял царю, убежденный в том, что этим средством он может воздействовать на самодержавие. Ложная утопия и глубоко ошибочная вера в то, что можно сговориться с царем,—предубеждение, разделяемое в те годы многими, в том числе и Герценом, дезориентировало Н. А. Серно-Соловьевича, внушало ему либеральные колебания. Не то видим в его поэзии. Здесь он выступает последовательным демократом, свободным от либеральных иллюзий. Каземат, по признанию его самого в стихотворении «Исповедь», не только не сломил его уверенности в победе революции, напротив, усилил в нем убеждение в правоте революционного пути. В этом стихотворении он убедительно и правдиво изобразил процесс рождения в условиях тогдашней жизни деятелей революции:

Дремал я праздно четверть века
 Но Севастополь застонал:
 Тот стон скоробил человека.
 Я гражданином русским стал!
 С тех пор иная мне дорога.
 Светила правды мне заря.
 Оковы рабства у порога
 Отцов стряхнул я, говоря:
 «Вперед! вперед! Страна больная,
 Тебе теперь принадлежу.
 Вот жизнь моя: ее, родная,
 Я за тебя не пощажу.
 Поверь — вот клятва вековая —
 Тебя, страдальца, люблю
 И что ни даст мне роковая
 Борьба,—на шаг не отступлю».
 И я сдержал обет суровый,

Под ношей крестною стена,
 Не покидал я путь терновый:
 И он в тюрьму привел меня.

(«Исповедь»).

В других стихотворениях этого узника дано также выражение настроени и взглядов революционной группы демократов, единомышленников вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского. Есть в них и мотивы, сходны с поэзией Некрасова, лучшего представителя в те годы революционно-демократической литературы. Созвучие это вполне естественно.

Подобно своему вождю—Чернышевскому, не дрогнул этот представитель и в своих политических показаниях, даваемых неоднократно в крепости. Недаром А. И. Герцен в письме к сыну от 11 августа 1865 г. писал о Н. А. Серно-Соловьевиче так: он «держал себя до конца благородно до нельзя и даже, когда читали сентенцию, по просьбе матери, сказал: «Я ее об этом не просил»».

Высланный на поселение, в Иркутске, в ноябре 1865 г. Н. А. Серно-Соловьевич написал последнее свое стихотворение и в полном согласии со всем, что мы знаем о его поэзии, освобождающей его от иллюзий политического оппортунизма, вновь говорит о неизбежной победе демократической революции и о своих песнях во имя побед этой революции:

Я не создан невольником петь...
 Я тогда воспою этот край,
 Когда воля посевет в нем рай,
 И проснувшийся разум сотрет
 Человека осиливший гнет.

Это было как бы предсмертное завещание «бедного узника», угасшего не ожиданно и быстро от тяжелых ударов реакции, обрушившихся на этого юного и талантливого революционера. В Сибири закончил свой жизненный путь юный последний маркиз Поза, открывший, по меткому выражению Герцена эпоху борьбы с правительством «с открытым забралом». Можно удивляться, несомненно, тому смелому тону, каким проникнуты все стихотворения Н. А. Серно-Соловьевича, писанные в каземате, и высокому уровню революционного настроения, с которым он не побоялся говорить в них о революционерах, гибнувших «птенцах», о революции и неустрашимой ее победе над царизмом и крепостническим строем.

Два слова о последних годах жизни Н. А. Серно-Соловьевича. Во время пребывания в каземате он вел переписку с братом В. А. Серно-Соловьевичем (некоторые письма его, задержанные III отделением, печатаются в примечаниях далее на стр. 441) и с Н. В. Шелгуновым. Переписка с последним была конспиративной. Одно письмо Н. В. Шелгунова летом 1862 г. было перехвачено и попало в руки жандармов. Это обстоятельство отразилось неблагоприятно и на положении Шелгуновых, ехавших на свидание с М. Л. Михайловым. Впервые Н. А. Серно-Соловьевич был допрошен только 16 октября 1862 г. (текст его кратких показаний на этом допросе напечатан М. К. Лемке в книге «Очерки освободительного движения», 2-е изд., 1908, стр. 104—105). Затем, 5, 8, 11 и 13 декабря ему были сделаны второй, третий, четвертый и пятый допросы (тексты этих показаний напечатаны также у М. К. Лемке в назв. книге на стр. 143—151 и 151—155). Показания его возмущали Комиссию неискренностью и умалчиванием. Только после ознакомления Н. А. Серно-Соловьевича с производством по делу, когда ему стало ясно, что многое скрывать бесполезно, Серно-Соловьевич написал 11 декабря свои пространные показания, исполненные политической честности и достоинства (текст их напечатан также М. К. Лемке в назв. книге, на стр. 184—206). Его допрашивали еще 10 февраля 1863 г. по поводу Кельсиева и намерений последнего распространять свои издания в России, и тогда Н. А. Серно-

Соловьевич написал два письма в Сенат, излагающие его «взгляд на нынешнее состояние умов» и об отсутствии организованной лондонской пропаганды (напеч. М. К. Лемке там же, на стр. 209—219). 5 марта он пишет третье прошение в Сенат; но только 10 декабря 1864 г. были готовы сенатская записка и заключение по делу арестованных. Н. А. Серно-Соловьевич, 29 лет, был наказан «за участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства, за распространение заграничных сочинений их преступного содержания, за дачу у себя убежища неосужденному государственному преступнику Кельсиеву с знанием преступных его замыслов и за дерзостное порицание действий правительства и самого образа правления,—лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на двенадцать лет, а затем поселить в Сибири навсегда» (см. М. К. Лемке, там же, стр. 221). Государственный Совет признал возможным хлопотать о смягчении участи Серно-Соловьевича и предложил, по лишении всех прав состояния, каторгу заменить вечным поселением в Сибири. 30 марта 1865 г. царь согласился с мнением Совета. 2 июня 1865 г. в 9 ч. утра Н. А. Серно-Соловьевичу был объявлен приговор. 3 июня он был выпущен из крепости и переведен в пересыльную тюрьму. 21 июня он отправлен в Москву и 27 июня по Нижегородской жел. дороге в Тобольский Приказ—и в Сибирь. 26 сентября он прибыл в Красноярск и отправился в Иркутскую губернию. 10 марта 1866 г. его дедом Кирилиным была получена телеграмма из Верхнеудинска такого нелепого содержания, что «Серно-Соловьевич, божией волей, помре». По одним сведениям, он умер от тифа (см. М. К. Лемке, стр. 277); по словам Герцена, «его больного переехала тройка, в которой везли других сосланных. Поднятый на дороге, он был доставлен в Иркутский лазарет и там умер» (см. А. И. Герцен, Соч. т. XVIII, 373; ср. XIX. 13). По словам очевидца-поляка, дело произошло так: «подъезжая к Мальте, мы стали спускаться с горы. Задние лошади наскочили на подводу, где сидел Николай, подмяли его под себя и сани с двумя седоками и ямщиком проехали по нем. Он боли не чувствовал. Все время был весел и пел песни. Приехали на этап. Мы натерли его водкой с мылом. Все было ничего. Он совсем чувствовал себя хорошо. Приехали в Иркутск, нас заперли в острог. А на другой день С. С. пошел в больницу и 9 или 10 февраля богу душу отдал» (М. К. Лемке, назв. соч., стр. 227—228). Другой очевидец прибавляет, что «кроме падения на бок имел уже влияние удар в бок ружьем. Он, видите ли, заступился за своих спутников, и защитник отечества хватил его в бок» (там же, 228).

В 1865 г. появилась в свет его статья «Не требует ли нынешнее состояние знаний новой науки?» в журн. «Русское Слово», январь (стр. 127—136); она была написана еще в крепости и была представлена в III отделение через коменданта крепости 5 июня 1863 г. Уцелело еще письмо его В. В. Ивашевой (затем Черкесовой) от 13 ноября 1865 г. и здесь же «последние стихи,—написанные (им) еще на Оби» («Пусть другие здесь пишут стихи», см. на стр. 440—441).

Русское правительство расправилось с Н. А. Серно-Соловьевичем, как и с Н. Г. Чернышевским и другими, и вполне заслужило резкую отповедь за это Герцена, сказавшего в некрологе: «Благороднейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич,—и его убили»...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Звенья», т. II, М. 1933, стр. 420.

² А. И. Герцен. Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 99.

³ «Революционное движение 60-х годов», изд. О-ва политкаторжан и ссыль-но-поселенцев, М. 1932, стр. 117.

⁴ «Звенья», т. II, М. 1933, стр. 411—412.

⁵ Н. В. Шелгунов, Воспоминания. Под ред. А. А. Шилова. М.—Л. 1923, стр. 146.

⁶ Дело III отделения, I экспедиция, 1862, № 230, ч. 54, лл. 1—2.

⁷ А. И. Герцен, назв. изд., т. XVIII, стр. 173.

СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА

1. ПЕСНЯ

(Пел какой-то работавший мастеровой)

1

Песня, песня раздается!
 Звук родимый, дорогой.
 Грудь моя на волю рвется:
 Пой же громче, мой родной!
 Сердце словно встрепенулось,
 Опять дышется легко.
 Сила прежняя вернулась.
 Песня льется широко.
 Не на долго. Вот затихла.
 Снова мертвенная тишь.
 Только ты еще не смолкло
 Сердце: бьешься и щемись.

2

Чтож ты смолк? Пропой немножко.
 Песня душу отведет.
 Новых звуков у окошка
 Бедный узник жадно ждет.
 Вот опять раздались звуки:
 Только эти уж не те.
 Это песнь тоски и муки,
 Песнь о горе, нищете.
 Видно мало, друг, утехи
 И тебе житье дает!
 Так поют не для потехи:
 Так забитый лишь поет!

3

Знать, та прежняя синичка,
 Звук отчаянья была,
 И, подстреленная птичка,
 Встрепенувшись, замерла.
 Иногда и мне бывает
 На минуту словно рай:
 Это сердце изнывает, —
 Капля льется через край.
 Освежила на мгновенье,
 А потом опять горит
 Все сильней... пока томленье
 Сил совсем не изнурит...

2. ПТЕНЦЫ

Мать неутешная, как ты страдаешь!
 Муки твои нам все сердце сожгли.

№ 250

Часть 54

ДЕЛО

1-го **ОТДЕЛЕНИЯ**

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРИИ

ЭКСПЕДИЦИИ

*О революционном духе народа в
России и о распространении по сему
случаю возмутительных воззваний*

Часть 54

250	250
1	250.3
	Е

*О братьях Серно-Соловьевичах и
Гже Энгельгардта*

Начато 9го *Март* 1862 года.

Кончено 18 года.

На *24* лист

ОБЛОЖКА ДЕЛА «О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДУХЕ НАРОДА В РОССИИ И О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХ ВОЗЗВАНИЙ» ЧАСТЬ 54. «О БРАТЬЯХ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧАХ И Г-ЖЕ ЭНГЕЛЬГАРДТ»

Больно нам видеть, как ты изнываешь,
Мы за тебя бы охотно легли!

Но не помогут ни смерть, ни страданья.
Сколько ни гибни родимых птенцов,
Мать! бесполезны твои ожиданья:
Им не осилить свирепых ловцов.

Ведь не пеньковою сетью: железной
Волю твою заковали они,
Любо им тешиться жертвой болезной.
Легче не будет, как ты ни стони!

Бьются, терзаются птенчики малые,
Хочут оковы родимой разбить,
И разбивают — головки удалые.
Гибнут бесплодно, чтоб ей пособить.

— Ах, что бы вам, птенцы горемычные,
Годик-другой обождать, погодить,
Были бы вы к бою тогда попривычнее,
В сетях железо могло бы погнить!

— Годик-другой! Знать тоски вы не знали
И вместо сердца камень у вас.
Нас истомили родимой печали,
Нас убивал каждый прожитый час!

Горько тому, кого мать не качала,
Горько родную навек потерять:
Наша же скорбь без конца, без начала.
Меры не сыщешь ее измерять.

Кто разгадал, что такое неволя,
Светлых минут уж тому не знаять:
Что ж ему жить, коли знает, что доля
Матери: в рабстве весь век изнывать!

Лучше уж разом покончить с собою.
Сгинуть в бою за родимую мать.
Ведь не по нас примириться с судьбою:
Нить бесполезно, постыдно дремать!

Мелкие птахи и в клетках довольны.
Робкому духом ведь любо терпеть.
Наши ж желания смелы и вольны:
Песни хотим мы свободные петь!

Если бы мать нас на воле вскормила
Вышло бы племя могучих орлов.
А без нее и житье нам не мило,
Больно глядеть на верхушки дубов!

Верьте: погибнем не жертвой напрасной.
Мы, умирая, про волю споем

И этой песнью дивно-прекрасной
Стан могучих бойцов созовем.

Братья, услышав ее, вострепнутся.
Станет им стыдно и больно дремать.
Дружно они за работу возьмутся,
Сети порвут и спасут нашу мать!

Гибли бесстрашно орлы молодые.
Звонко их смертная песня лилась.
Ею ловцы потешались седые...
Мать, изнывая, на волю рвалась.

3. ИСПОВЕДЬ

(Не принимай этого за изображение моего положения. Это просто поэма)

Нет, не в тюрьме искать покоя!
У двери ходит часовой,
А что ни четверть, за рекою
Часов неугомонный бой.
На полчаса нельзя забыться,
Неволю злую позабыть.
Тоска томит... Увы, не сбыться
Мечтам. На воле мне не быть!
Ведь обольщать себя не стану.
Добра не много впереди.
Я с каждым днем все вяну, вяну...
Уж свил недуг гнездо в груди.
Мне душно! Сердце так и ноет,
Щемит; я весь огнем горю.
Истома мне могилу роет...
Нет, не увижу я зарю!
Я таю. Страшное сознание!
Себя день за день хоронить.
Вы бесполезны—ум и знание,
К концу близка моя уж нить.
Тюрьма и горе изнурили
Мой организм. Остаток сил
Добить не трудно. Уморили
Меня враги. Жаль... я б пожил!
Не для забав и пирований
Я жить хочу. Их буйный шум
В стране печали и терзаний
Пытливый оскорбляют ум.
Я отдал бы себя всецело
Борьбе с неправдой. Я бы шел
К добру так твердо и так смело,
Что верно б спутников нашел.
И прежде шел я той дорогой,
Но я не тот, что был тогда.
Закал суровый школы строгой
Оставил след свой навсегда.
В тюрьме я вырос. Размышление,
Как молот, выковало ум.

Дало железное терпенье
И много крепких, сильных дум.
Но бесполезно... Призрак бледный
С косою уж носится вдали.
Тебя он манит, узник бедный,
Мольбой его не весели!
Нет! Я молить его не стану.
О невозвратном что тужить!
Смертельную травить лишь рану.
Что умерло, тому не жить!
Спокойно встречу я кончину:
Не даром рок меня учил:
Я смолоду узнал кручину,
Разбито все, что я любил...
Но перед смертью, о люди!
Скажу вам исповедь мою.
Поверьте мне, в болящей груди
Грехов смертельных не таю.
.....Две страсти знал я:
Любовь к свободе и к добру.
Я веровал в свое призванье
И с этой верою умру.
Я в людях только братьев видел,
Бесстрашно истины искал,
Всем сердцем рабство ненавидел
И тираннию презирал.
С пеленок, диким суеверьем
Меня старались заразить,
Беззубой старины поверьем
Ребячий разум исказить.
Не мало зол в стране родимой.
Кто вздумал бы их сосчитать,
Тот — труженик неутомимый —
Вторым Сизифом мог бы стать
Но есть одно рабов наследство, —
Оно нас губит как чума.
Где русский тот, кого бы с детства
Не развратил разврат ума?..
Спознался я с чумой боярской.
Меня обвили, как змея,
Все предрассудки касты барской
И сгибла, юность ты моя!
И долго, долго я оковы
Носил тяжелых тех цепей.
И тешили меня обновы,
Добытые из-под плетей.
Как язвы, воли я боялся
И правду дерзостью считал.
Всему, что сильно, поклонялся,
А перед властью трепетал.
Прочь, прочь, скорей, воспоминанья
Печальных юношеских лет!
Семьи и школы все познанья
Затоптан уж ваш мрачный след.
Теперь я беден и страдаю,

Но если б мне могли отдать
 Взамен того, чем обладаю,
 То, чем я мог бы обладать:
 Богатство, почести и мненье
 Твое, — чиновный, важный свет, —
 Во мне вскипело б отвращенье
 И гордо я сказал бы: нет!
 Дремал я праздно четверть века.
 Но Севастополь застонал:
 Тот стон скоробил человека.
 Я гражданином русским стал!
 С тех пор иная мне дорога.
 Светила правды мне заря.
 Оковы рабства у порога
 Отцов стяхнул я, говоря:
 «Вперед! вперед! Страна больная,
 Тебе теперь принадлежу.
 Вот жизнь моя: ее, родная,
 Я за тебя не пощажу.
 Поверь — вот клятва вековая —
 Тебя, страдалница, люблю
 И что ни даст мне роковая
 Борьба, — на шаг не отступлю».
 И я сдержал обет суровый,
 Под ношей крестною стена,
 Не покидал я путь терновый:
 И он в тюрьму привел меня.
 И я умру в поре цветущей.
 Уж скоро, скоро! Смерть близка
 Не вынес я тоски сосущей.
 Рванулся раб... Но цепь крепка.
 Так вот зачем так больно в груди
 Зачем я таю и горю
 И родину люблю... о люди!
 И не увижу я зарю.

4

Бедность, горе, забота,
 Вечная страда-работа —
 Вот наша доля, друзья!
 Стар человек или молод,
 Голод, голод и голод —
 Вот наш обычный припев!
 Есть и ум и познания,
 Есть и трудиться желанье,
 Нет только денег у нас
 Мы не копаем, не пашем,
 Мы все перьями машем
 В том вся наша беда!
 Многое мы разумеем,
 Только сказать-то не смеем:
 Больно цензура строга.
 Как бы охотно печали
 Родины мы облегчали,

Только не слушают нас.
 Может и было б иначе,
 Если б мы были богаче, —
 Бедность помеха всему!
 Да уж оставим влиянье.
 Было бы хоть пропитанье,
 А то ведь нечего есть!
 Мрут журналы без меры,
 Право тяжеле холеры, —
 Просто хоть в петлю ложись.
 Как ни вертись, ни метайся!
 С жизнью, видно, прощайся!
 Разве в питейную часть?
 Это безвредней писанья,
 Благонамеренней знанья
 И казначейству доход!
 Нынче же, к счастью семейных,
 Много домов есть питейных.
 Двинем же, братцы, в кабак!
 Право, не будет укора,
 Будем счастливы мы скоро,
 Только не надо робеть!
 Это единое средство
 Выйти в невинное детство,
 Меньше волненья уму.
 А ведь всего что прекрасней,
 Станем тогда безопасней.
 Верно мы будем в чести.
 Главное, не унывайте,
 Новой дорогой ступайте
 Так-таки прямо в кабак.
 Там не забота, не горе,
 А разливанное море
 Нас ожидает, друзья!

5. БАСНЯ

(Для умных детей)

— Не пора ли в путь сестрица?
 Скоро станет уж светать.
 Ты валяться мастерица.
 Люди будут ожидать.
 — Право, братец, удивишься,
 Что ты Разумом чествят!
 Ой, смотри, ведь натужишься,
 В желтый дом как поместят.
 Из чего, скажи, ты бьешься?
 Днем и ночью на ногах,
 Суетишься, мечешь, рвешься,
 Все городишь о благах!
 О каких? Чего ты хочешь?
 Словно ты указ какой!
 Право, ты людей морочишь,
 Баламутишь лишь покой:
 Мой, свой собственный, народный,

Искушаешь словно бес.
Подойдешь как благородный,
А заманишь прямо в лес.
Ни властей не уважаешь,
Ни обычаев не чтить.
Самого не считаешь.
А меня-то как костишь!
Словно не сестра родная,
Дурой громко ведь бранишь!
Ты не думай: не одна я,
Скажут все, что ты грешишь.
Верь, не верь: а я слыхала
Про тебя как все звонят.
Вора, подлеца, нахала
Больше, чем тебя, ценят.
Хоть сестра, — а согласиться
С этим я должна была
И, намедни, изловчиться
В одном месте помогла.
Мы повыдумали меры,
Чтоб тебя посократить.
Ты зазнался уж без меры,
Вздумал край тот развратить!
Это верно: я ведь брешить
Чепуху-то не люблю.
Правдою могу потешить:
У источника ловлю!
Сам ты знаешь, что я вхожа
Всюду в первые дома.
Да что вхожа! там пригожа,
Там хозяйка я сама!
Как тебя не вразумляет
Наших разница судеб?
Их ведь пропасть разделяет!
Или глух ты, или нет!
Я знатна, в чести и славе,
Денег куры не клюют,
Мыслю только о забаве.
Что хочу, все мне дают.
Я не ведаю печали,
Мне не тягостна узда.
Меня с счастьем повенчали
Труд других моя руда.
Правда, знаюсь я и с сбродом:
Только чернь мне нипочем.
Я сурова с хамским родом,
Я люблюсь все с богачем.
Я порядкам всем начало,
Я владыка на земле.
Как ты ни впускаешь жало,
Все же сила вся во мне!
Ну, а ты? Всегда забитый,
Оборванец, мой батрак,
Горе мыкаешь день битый,
А получишь четвертак.

В высшем обществе, чай, сроду
 Не бывал. На чердаках
 Место твоему народу,
 Твоим умным дуракам!
 Где-то за морем толкуют,
 Ты теперь всему глава.
 Но меня, брат, не надуют,
 Это все одни слова.
 Если б там был без обиды,
 Стал бы ты шнырять сюда!
 Я ведь видывала виды,
 Не таскаюсь же туда!
 А коль там твои владенья,
 Хочешь, сделаем менок?
 Вывези в свои именья
 Всех, кто здесь тебе сынок.
 Наших бы, взамен, повыврал:
 Ну хоть за двадцать двоих.
 Только ваших бы бог прибрал.
 С нас довольно и своих!
 У себя распоряжайся
 Сколько хочешь ты тогда,
 Только к нам уж не мешайся
 И не суйся никогда.
 Без тебя все было тихо!
 Слышно, муха как летит.
 Спали, ели, просто лихо.
 Вдруг непрошенный визит!
 И чего вы расходились!
 Вас там вовсе не хотят.
 Да теперь распорядились.
 Посмотри, как угостят!
 — Ну, натешилась, глупушка!
 Двинем же меня катать.
 Вот возьми, твоя подушка:
 С ней удобнее дремать.

6. ИЗ БАЙРОНА

Прости, о, если б возносились
 Душа за милого прося,
 Моя бы в небо уносились,
 Молясь усердно за тебя.
 К чему слова, к чему стенанья!
 Когда бы грешника спасти
 Могло кровавое рыданье:
 В [нем] было б меньше, чем в: прости!
 Уста молчат, глаза так сухи,
 А в голове и в сердце ад.
 Те никогда не смолкнут муки,
 Те думы ввек не замолчат.
 Смешны бы жалобы тут были.
 Не им мятеж мой погрести.
 Я все забыл... Ведь мы любили
 Затем, чтобы сказать прости!

На сей раз будет. Если понравится — мой голос еще не иссяк.

7. ДАМЕ, ПРИСЛАВШЕЙ БУКЕТ

Вы мне букет в тюрьму прислали.
Какие чудные цветы!
О, если бы порассказали
Они, ожив, вам все мечты,
Все мысли, думы, чувства, страсти,
Во мне вскипевшие, в ответ
На дружбу, верную в напасти,
На задушевный ваш привет!

Чтоб помнить вас — напоминаний
Не нужно моему уму.
Из нескольких воспоминаний,
Со мною запертых в тюрьму,
Мне заменяющих молитву,
Дающих силу, твердость, — вам
Всегда со злом ведущей битву,
Одно из первых мест отдам.

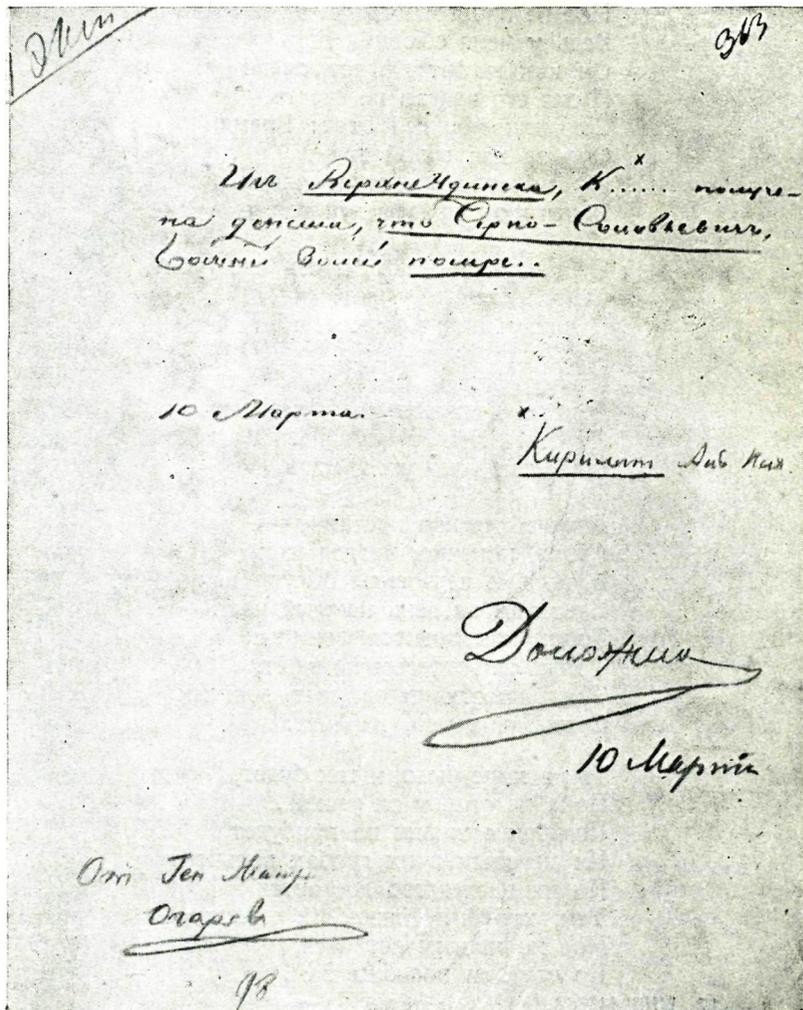
По времени я знал вас мало.
Но дума думе весть дает,
И мне моя давно сказала,
Что в вас сочувствие найдет.
В ком сердце вольно, смело бьется,
Кто не умеет быть рабом,
Тот неизменно отзовется
На стон подавленных трудом.

Поверьте: женщины вниманья
Одной — когда одна та: вы —
Ценю я выше колыханья
Стоустой, но пустой молвы.
И это не слова, не фразы.
Кто мыслит честно, тот не льстит,
Ни даже в шутку: как заразы
Он пустословия бежит.

Я в свете видел стад довольно
И мало личностей встречал.
Но с вами было мне привольно.
Всегда любимый звук звучал
В живом и умном разговоре,
Родного было много в нем,
А луч энергии во взоре
Грел электрическим огнем.

Зачем так мало вам подобных!
Как хорошо бы было жить
Среди людей, как вы, способных,
Зло ненавидеть и любить
Что честные считают правдой,
Свободой, разумом, добром,
А дураки зовут неправдой,
Позорят делом и пером!

Ум утомленный отдыхает,
 Когда гляжу на ваш букет.
 Но тяжко грудь моя вздыхает,
 О том, что вижу в нем портрет,

ДОНЕСЕНИЕ О ПОЛУЧЕННОЙ ДЕДОМ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА
 ИЗ ВЕРХНЕУДИНСКА ТЕЛЕГРАММЕ О СМЕРТИ ВНУКА

Центрархив, Москва

Когда далек тот образ милый,
 Который мне его послал...
 И хочется владеть мне силой:
 Я бы все цепи разорвал...

Букеты женщины мужчине
 Всегда счастливому дарят.
 Vaee victis! Прочь, кто в злой кручине!
 Все угнетенным говорят,

ром также бросалось Добролюбову обвинение в том, что он во имя либерализма и гуманности разрушил авторитет Пирогова.

«Бойкая статейка Г-бова производила свое желанное влияние даже на киевлян, — говорил автор этого письма, — на тех людей, которые могли бы, кажется, получше присмотреться к характеру общественной деятельности своего попечителя... Статейка, по виду весьма гуманная и либеральная, соблазнительно подействовала на неопытную публику, подрывая во многих уважение к тому, кого она привыкла уважать»²⁵.

Автор письма оправдывал Пирогова точно таким же образом, как и Драгоманов. «Пирогов уступил большинству, — писал он; — за такие уступки его еще больше стали уважать люди, разумно следившие за ходом его общественной деятельности. Мы видели в Пирогове начальника, который уважает общее мнение, никому не навязывает своего». По мнению автора письма, если бы Пирогов поступил так, как этого требовал Добролюбов, т. е. своей властью изгнал бы розги, не считаясь с мнением педагогов, он оказался бы «щедринским озорником... благодаря неусыпному попечительству которого мужик понимает, что сам он ничего, и сход его ничего — и только просвещенный взгляд администратора может осветить этот хаос»²⁶.

На выпад Громеки, как в отношении «Свистка», так и в отношении статьи о Пирогове, ответил Чернышевский во второй статье своих «Пolemических красот», помещенной в июльской книжке «Современника» за 1861 г. На утверждение Громеки, что из школы Добролюбова не выйдет ни одного Пирогова, Чернышевский отозвался так: «нет, не выйдет, потому что г. Пирогов старался связать вещи несовместимые, — розги с гуманностью; по-нашему что-нибудь одно: или секи или не секи, —

А смешивать два эти ремесла

Есть тьма охотников, мы не из их числа.

Г. Пирогов не виноват в том, что был непоследователен, он в такое время воспитался. Но стыдно было бы нам, если бы мы ставили свой идеал на том же уровне, на каком стоял он во времена воспитания г. Пирогова»²⁷.

Сам Добролюбов по достоинству ответил своим противникам статьей «От дождя да в воду», напечатанной в августовской книжке «Отечественных Записок» за 1861 г. Добролюбов, конечно, без труда разбил нелепое утверждение Драгоманова и Е. Судовщикова, что нельзя «насильно» приказывать учителям быть либералами. «Мы с вами, простосердечный читатель, думали до сих пор, что есть разница между положительными и отрицательными фактами, — писал Добролюбов, — оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть ваш кошелек, — вы, значит, насильно заставляете его быть честным человеком, вам запрещают драться — хотя из вас насильно сделать либерала...»²⁸.

Что касается до упрека в оскорблении уважаемого общественного деятеля, то Добролюбов на него ответил указанием, что в его статье даже среди самых горячих тирад беспрестанно проглядывал мотив этой горячности, состоящий в том, что автор чрезвычайно высоко ценит Пирогова, и что именно такого-то человека и тяжело ему видеть слабеющим и падающим под гнетом среды, в которую поставлен»²⁹.

Как известно, Чернышевский с начала 1858 г. предоставил Добролюбову отделы литературной критики и библиографии, а сам стал писать на общественно-экономические и чисто политические темы. Однако и Добролюбов поместил в «Современнике» несколько статей политического харак-

Но вы — не все: для вас страданье —
 Ремень для новых, крепких уз,
 Уз дружбы — а не сострадания:
 Я погибаю... но борюсь!

Мое не проиграно дело.
 Ведь у меня союзник есть.
 Он как гигант шагает смело
 И сил его врагам не счесть.
 Союзник мощный этот: Время.
 Оно за нас горой стоит.
 С ним юное взрастает племя,
 В котором правды луч горит.

Пусть нас терзают, пусть нас губят.
 Святое дело не умрет.
 Отчизну Дети крепко любят
 И лозунг будет их: вперед!
 Вперед! И с каждым днем рутина
 Должна дряхлеть, шататься, гнить:
 От света гибнет паутина.
 Ей вас недолго уж томить.

Дни избавления настанут —
 (Хотя, конечно, не для нас:
 В тюрьме ведь силы быстро вянут.
 Идет там за день каждый час).—
 Тогда, как водится, гонимых
 Толпа с восторгом помянет,
 Тогда преступников, свет, мнимых
 Святыми, верно, наречет.

Так в мире было, и так будет,
 Пока не станет он умней...
 Погибшим жизни не прибудет,
 Ни мертвым в их гробах вольней:
 Но их наследство достается
 Тем, кто был близок их сердцам...
 Мое не многим остается,
 Но все они подобны Вам.

17. VIII. [18]63 [г.]

8

Пусть другие здесь пишут стихи
 Я не буду — лишь эти строки.
 Не дает мне пленительных дум
 Отягченный бессонницей ум.
 Нет, друзья, не меня вдохновит
 Край оков, где все сердце томит,
 Где безмерность лесов и степей;
 Населяют при звуках цепей,
 Где столетия, из рода в род
 Изнывает несчастный народ.
 Где нельзя нам ни мыслить, ни жить,
 Где должны мы в лишениях гнить.

И все молча сносить и терпеть.
 Я не создан невольником петь.
 Я тогда воспую этот край,
 Когда воля посеет в нем рай
 И проснувшийся разум сотрет
 Человека осиливший гнет.

Иркутск [3 ноября 1865 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения печатаются по автографам, сохранившимся в деле III отделения 1 эксп. 1862 г. № 230, часть 54 (см. особый пакет). Первые шесть стихотворений сопровождалось письмом Н. А. Серно-Соловьевича брату Вл. А. Серно-Соловьевичу; письмо было адресовано в книжный магазин на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви, № 24. Вот текст письма: «5.VIII [18]63. Согласно обещанию посылаю тебе, дорогой друг, несколько образчиков моей поэзии. Жалею, что не могу послать «Детей»*, которые по-моему удались лучше всего. Это слишком длинно и только первый отдел совсем отделан. Посмотрим, как ты найдешь небольшие стихотворения. — Ты не распространяй их; разве покажи кому-нибудь из приятелей, чтоб произвести над ними суждение. Еще лучше, если вместо какого-нибудь приятеля покажешь какой-нибудь приятельнице: в этом случае я гораздо больше полагаюсь на женский вкус. Я попрошу тебя, дорогой друг, сообщить мне приговор с полною откровенностью, нисколько не щадя авторского самолюбия. Свои детища всегда милы: но это еще не значит, чтобы другие нашли их такими же, или чтобы они были действительно хороши. Если бы я получил только один этот талант, мне конечно жаль было бы зарыть его в землю. Но, к счастью, я могу выбирать; потому мне крайне важно знать, чем преимущественно заниматься. Мне показалось, что я могу писать хорошие стихи — и я занялся поэзией, отстранив на второй план финансовые вычисления, экономические работы, переводы, так как писать стихи и приятнее и выгоднее: но только под условием, чтобы они были хороши. Сегодня ты сообщил, что мою финансовую статью** находят хорошо — может, стихи найдут хуже ее, тогда я двину их по боку и вернусь к цифрам. С тех времен, как перестал писать математические сочинения кукольно-латинскими стихами, кажется ни одному стихотворцу не приходилось колебаться между такими противоположными занятиями: было бы глупо променять кукушку на ястреба, когда можешь сохранить обоих. Потому убедительно прошу тебя, дорогой друг, о строжайшей, беспощаднейшей справедливости. Крепко обнимаю тебя и всех наших. Твой Н. Серно-Соловьевич».

(Приписка): «Потрудись мне прислать еще вина, только недорогого. Я не пью теперь больше. Я считаю, что даже рублевое было бы слишком дорого для ежедневного употребления».

Стихотворение «Даме, приславшей букет» печатается по автографу поэта, сохранившемуся в названном деле III отделения (1862 г. 1 эксп. № 230, часть 54). Передавая это стихотворение, Н. А. Серно-Соловьевич имел намерение вручить брату еще письмо, написанное одновременно и поясняющее мысли автора, изложенные в данном стихотворении. Приводим текст этого письма полностью.

«17/VIII [18]63 г. Милый друг. Вчера, передавая мне букет, ты мне сказал, что та, кто его прислала, не велела называть себя, желая знать, угадаю ли я ее имя. В ответ на это я, придя в свою тюрьму, написал прилагаемые стихи, которые прошу передать по адресу. Я наверно знаю, что не ошибся и конечно в будущее свидание, т. е. 25-го, узнаю это положительно. Разумеется, ты вручишь их лично и непосредственно и пригом потрудись сообщить, что о моих настоящих чувствах не следует судить по слабости стихов. Он вышли бы иначе, если бы я имел возможность передать их лично из рук в руки, или если бы они были также выразительно немы, как цветы. У меня не страстная натура, но упорно постоянная во всех привязанностях, а время и страдания закаляют чувства. С нетерпением буду ждать воскресенья».

Вчера я был рассеян и сказал не то, что следовало о предполагаемом пере-

* Это стихотворение в деле не сохранилось.

** Может быть, Н. А. Серно-Соловьевич говорит о статье «План финансовой хозяйственной реформы» (на 59 л., представленной в III отд. комендантом крепости 26 марта 1863 г., а может быть, и о другой статье под названием: «Статистический метод нашей внешней торговли» (на 28 л., представленной также в III отд. 7 мая 1863 г.).

воде. Вопрос не в том, переводить ли Дон-Жуана* в стихах или в прозе, а стоит ли переводить или нет, т. е. можно ли ждать, что книга будет иметь успех? Что касается до способа перевода, то это зависит единственно от того, достанет ли настолько поэтического таланта, чтобы передать в стихах творение, названное Гете «безгранично гениальным».

Да и независимо от таланта нашим языком до-нельзя трудно передавать байроновские мысли. Я уже сознал это на маленьком стихотворении, переведя его, нашел, что оно переведено Лермонтовым; по сравнению оказалось, что только полстиха из 16 у нас сходны**. Но если бы соединить мысли обоих переложений в одно, то и тогда не выразятся все мысли, заключающиеся в байроновских стихах. Впрочем, надо прибавить, что Лермонтов написал свое, имея 17 лет.

Во всяком случае попробую переводить и в прозе и в стихах и обработаю несколько строф в обоих видах пришло вам на суд. Сделать этот перевод значило бы увековечить свое имя в русской литературе*** потому что это, по моему, первое по достоинству поэтическое произведение в целом мире. Но наверно заранее можно сказать, что я не кончу его—уже потому, что в поэме 1975 осьмистрочных строф, а я не полагаю, чтоб был в состоянии переводить стихами больше 5 в день.—К тому же чем дальше, тем труднее становится для меня, какая бы ни была работа по изнурению физических сил.—Вчера, например, я был так утомлен, что лег в 9 часов—а в результате все же заснул около 2, а проснулся в 6.—Конечно, это не нормальное положение: но следя постоянно за собой, ясно замечаешь, что организм все более и более приближается к состоянию, характеризующему дряхлость, именно возрастающая слабость в течение дня и уменьшение сна ночью.

Вот и теперь, пишу к тебе совсем усталый, а лягу и проворочаюсь с боку на бок несколько часов.

Крепко обнимаю тебя, дорогой друг. Нашим искренний поклон, с нетерпением буду ждать тебя. Твой Николай Соловьевич.

Уведомь о получении письма. Я был прав: опять заснул в 3 часа, а встал в 7».

Стихотворение «Пусть другие здесь пишут стихи» печатаем по автографу, имеющемуся у Ольги Константиновны Булановой—дочери адресатки—Веры Викторовны Ивашевой. Впервые стихотворение напечатано было несправно М. К. Лемке в книге его «Очерки освободительного движения 60-х годов» (см. 2-е изд. СПб. 1908, стр. 226—227). Разночтения в тексте у М. К. Лемке имеются в 4-м стихе: вместо «бессонницей», у него напечатано «непещицей»; 13-й стих отсутствует вовсе. Затем О. К. Буланова-Трубникова напечатала текст этого стихотворения в своей книге «Три поколения» (ГИЗ. 1928, стр. 83). Здесь повторены несправности те же, что у М. К. Лемке; кроме того, в 6-м стихе допущена опечатка: вм. «где вас сердце», следует «где все сердце»; в 15-м стихе произвольный вариант: «Я не создан невольником, нет», должно: «Я не создан невольником петь». Датировано стих. в книге О. К. Булановой-Трубниковой 30 ноября 1865 года, это неточно и неверно. В автографе дата 3 ноября—ее же приводит и М. К. Лемке (в назв. книге стр. 227). Недавно О. К. Буланова-Трубникова напечатала в сб. «Звенья», кн. V, изд. «Academia», 1935, стр. 377, полный текст стих., но с указанными ошибками в 4-м и 6-м стихах; 13-й стих есть, но в датировке путаница: вм. 3/XI—1865 г.—30/XI—1865 г.

Кроме публикуемых выше стихотворений Н. А. Серно-Соловьевича, известно из его заявления коменданту крепости ген.-лейтенанту А. С. Сорокину, что он написал стихи своему деду и матери. Из этого заявления узнаем о содержании и характере посланных деду и матери стихотворений. Вот текст этого заявления, печатаемого также по автографу, сохранившемуся в назв. деле III отделения.

«Имею честь покорнейше объяснить вашему превосходительству нижеследующее:

Сегодня по приказанию вашего превосходительства мне было объявлено письмом к вашему превосходительству от г. начальника штаба корпуса жандармов, которым мне делалось, по приказанию г. шефа жандармов, замечание за стихи, писанные мною в письме к моему деду.

* О переводе «Дон-Жуана» Байрона, кроме напечатанного здесь большого отрывка в 16 стихов из «Чайльд-Гарольда» и неизвестного до сих пор перевода «Каина» (см. об этом выше, на стр. 423), ничего неизвестно.

** Переведены Лермонтовым, действительно, те же 16 стихов.

*** Важно отметить ту высокую оценку произведения Байрона, которую высказал здесь Н. А. Серно-Соловьевич.

В том письме было двое стихов: одни к деду, другие к моей матери. Вашему превосходительству известны мои семейные отношения, известны заботы о мне моего почтенного деда и чувства, которые я выражал, когда случалось писать ему. Я не имею никаких средств отблагодарить его за любовь и попечения, кроме выражения своей любви и благодарности... Единственно этими чувствами я и руководился, посылая ему поздравление в стихах * ко дню его именин. Я никак не полагал, чтоб могло быть что-либо дурное в простых поздравительных стихах, вся цена и значение которых в выражении ими чувств почтения и любви.

Другие стихи я писал с такою же чистою целью. Моя бедная мать, как сама пишет, проливает горькие слезы. Удар за ударом сыплетса на несчастную больную женщину. Ее состояние расстроено, все дети несчастны. Одно только и есть у ней утешение, одно только и может быть — ее вера в бога. Она целые дни проводит в молитве. Ее самое задушевное желание, чтоб я возвысился до высоты ее религиозных чувств. Я хотел успокоить и обрадовать ее и нарочно отложил до Рождества (по новому стилю) ответ на ее письма. Она мне писала: «Иисус и Мария, вот две книги, написанные живым языком: эти две книги читаю и перечитываю я ежедневно, и чем больше вчитываюсь, тем становлюсь спокойнее, счастливее, довольнее, тем лучше понимаю слова св. писания: сеющие слезами радостью пожнут. — Нюнька, мое сокровище, если хочешь быть счастлив во всяком положении, оставь пустые книги мирские, открой книгу жизни, там на первой странице стоят ясли и над ними надпись «Demuth», когда хорошенько поймешь эту страницу, ступай дальше, — дойдешь до Голгофы и поймешь всю сладость креста господня. Господь и его святая мать да даруют тебе эту благодать».

Я исполнил ее желание и чтоб на деле доказать ей это, почти буквально переложил в стихи ** из евангелия Луки о рождении и страданиях спасителя (гл. 2-ую, ст. 4—19, 28—50 и из 22 и 23 глав.) Я писал их с самым чистым сердцем, думая только о ее удовольствии. Я сам на несколько минут забыл свое горе, уверенный, что доставляю ей двойную радость: деликатно показывая, как я внимательно исполняю ее советы и перелагаю в стихи евангелие, что она сочла бы действительным божией благодати и милостью к себе бога. Это была бы ей радость на все праздники.

И вместо этого она не только не получит от меня поздравления, и будет токовать и плакать, думая, что я забыл о ней, — а я еще за свои чувства получаю замечание. Мне это больно, потому что я считаю самым первым долгом нравственного человека любить и радовать родителей.

Я убедительнейше прошу ваше превосходительство объяснить все это князю Василию Андреевичу [Долгорукову, начальнику III отделения. — Н. Б.] и вместе с тем прошу о доставлении моих стихов моей матери. Я не могу понять, какие выражения могли возбудить неудовольствие. Если надо, я изменю: сочиняя стихи, не обращаешь внимания на всякое слово, особенно в таком сердечном произведении, назначенном исключительно для одной особы и притом — матери. Неужели же какое-нибудь слово, быть может вынужденное рифмою, или размером, заставит лишить крох радостей больную страдающую женщину. Я никак не ожидал этого. Утруджая ваше превосходительство этим объяснением, я в этом почти-тейнейше извиняюсь, но правду человеку больно, когда его поражают в священных чувствах. Да и то я промолчал бы, если бы не шло дело о моей матери.

Отставной надворный советник Николай Серно-Соловьевич.

Декабря 9-го дня 1864 г.

Его превосходительству господину коменданту

Санктпетербургской крепости генерал-лейтенанту и кавалеру А. С. Сорокину».

На первой странице резолюция, видимо, рукой Долгорукова: «Сообщить г. Серно-Соловьевичу через ген. Сорокина, что обыкновенное письмо будет одинаково приятно его родным и потому, если он таковое напишет, то оно будет доставлено по принадлежности. 11 декабря [1864 г.]».

Кроме этой резолюции Долгорукова, положена на заявлении Н. А. Серно-Соловьевича другая, малограмотная сентенция карандашом и рукой ближайшего, может быть, помощника Долгорукова:

«Полагалось бы что задержание письма, в котором секретный арестант излагает хотя отвлеченные страдания, но которые могут быть перенесены на постигшую его судьбу, есть мера совершенно правильная и что напрасно ген. Сорокин принял объяснение от Серно-Соловьевича; если же Ваше сиятельство не изволите разделять этого мнения, то надлежит сделать сношение о доставлении стихов по желанию их автора. 11 дек. [1864 г.]». Повидимому, все дело и ограничилось этими двумя резолюциями, так как никакого письма Долгорукова на имя Сорокина по поводу стихотворений Н. А. Серно-Соловьевича в деле нет. Стихотворения же и письма, повидимому, были все-таки переданы адресатам, а не задержаны, так как в деле их также не имеется.

* К сожалению, в деле этого нет.

** В деле их также нет.

II. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В. Р. ЩИГЛЕВА

Публикация И. Ямпольского

Владимир Романович Щиглев принадлежит к числу небольших, но все же несправедливо забытых поэтов второй половины прошлого века. Стихи его затеряны в старых, мало известных рядовому читателю журналах. Он сам ни разу не издавал их отдельной книжкой, да и после его смерти никто не объединил хотя бы лучшие из них в сборник. Политически наиболее острые стихотворения Щиглева не увидели в свое время света. Целый ряд этих стихотворений был напечатан через много лет после его смерти в «Голосе Минувшего» 1916, № 9, 1918, №№ 1—3 и 7—9, в «Былом» 1917, № 5—6 и мною в сборнике «Поэты Искры», Л. 1933. Там же даны и сведения о поэте. Есть основание думать, что в разных архивных собраниях хранится еще целый ряд любопытных его произведений.

Публикуемые нами стихотворения Щиглева извлечены из рукописной книжки его юношеских стихов, сохранившейся в архиве Я. П. Полонского в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР. Она была подарена Щиглевым кому-то из своих друзей. На титульной странице читаем: «На память от Владимира Щиглева. 1860».

Стихи не отличаются художественными достоинствами, но они интересны для выяснения процесса формирования поэзии революционной демократии 50—60-х годов. В книжке, наряду с традиционными любовными стихами, стихами, внушенными юношеским разочарованием в жизни, отчетливо отразились убежденный атеизм Щиглева, ненависть к самодержавию, стремление к более справедливому, хотя и весьма неясно рисуемому в сознании молодого поэта, общественному строю, оптимизм и любовь к жизни.

1. АТЕИСТ

Без креста на свободной груди
И без рабства в душе благородной, —
Вот на жизненном кратком пути
Человек по природе свободный.

Он не верит преданьям отцов,
Которые против рассудка,
И жизнь добровольных рабов
Несчастливая, горькая шутка!

Не беден он чувством любви
И ближнему руку протянет...
Но — в черные, трудные дни
Молиться без смысла не станет.

Нет бредней пустых в голове
И в сердце — как на небе чисто, —
Не верит он глупой судьбе —
Вот верный портрет атеиста.

2. [НЕ МОЛЮСЬ Я БОГУ]

Не молюсь я богу
По простой причине:
Нет небесных сказок —
Объяснили ныне.
Надо быть свободней —
Смертных краток век...

Я без шуток, право,
Милый человек.

Я не прочь от женщин,
Они милы, дружны...
Сладкие мгновенья
В жизни тоже нужны.
Надо быть любезным —
Смертных краток век...
Я без шуток, право,
Милый человек.

В. Р. ШИГЛЕВ

Фотография

Местонахождение оригинала неизвестно

Я любить умею
Сердцем горячо
И до гроба чувство
Сохраню одно.
Полюбить пора мне —
Смертных краток век...
Я без шуток, право,
Милый человек.

А потом как будет
Кровь моя хладеть, —
Это значит — скоро

Надо умереть...
 Пред моей могилой
 Скажут все: «свой век
 Он прожил как должно —
 Милый человек!» —

3. ИЗ ГЕЙНЕ

Брось свои святые сказки,
 Эту набожность скорее, —
 И проклятые вопросы
 Разреши-ка нам яснее:
 Отчего в крови тащится
 Под крестом тяжелым правый,
 А подлец, как победитель,
 Всюду встречен с честью, с славой?
 Что ж причиной? Или божьи
 Силы слабы и неверны?
 Или сам творит он гадость —
 Это хуже всякой скверны!..
 Так мы спрашиваем вечно —
 Вместо ж всякого ответа
 Рты землей нам затыкают —
 Да ответ ли полно это?!..

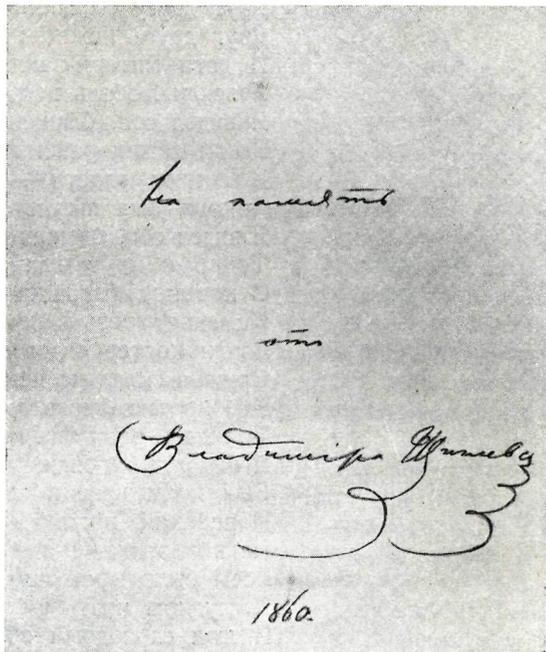
4. ВЕСНОЮ

Дышет все весною,
 Солнце высоко;
 Небо голубое
 Чудно-глубоко.
 Ветер перелетный,
 Свежие листы
 Шепчут мне тихонько:
 «Знаем — любишь ты!..
 Ты силен и молод,
 Кровь в тебе кипит,
 И любить природа
 Смертному велит».

5. [ПЕРЕД ТРОНОМ И КОРОНОЙ]

Перед тронem и короной
 Люди ниц лежат рабами
 И, опутавшись цепями,
 Внемяют шапке золоченой.
 Брат по плоти, также брeнный,
 Нашей жизнью дерзко правит, —
 Я свое высоко ставит
 Как закон людям священный.
 О, не верьте, люди-братья!
 Не помазан он на царство, —
 Нет на небе государства —
 Нет там бога в белом платье.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ТЕТРАДИ
СТИХОТВОРЕНИЙ В. Р. ШИГЛЕВА
Институт Литературы, Ленинград

Мазать некому елеем, —
Нет на небе богдыханов,
Вера рухнула в болванов,
Освященных Моисеем!

И за что же шею гнем мы
Перед тварью равной с нами?
Разве ниже мы сердцами,
Разве так же не живем мы? —

Пусть расторгнутся объятия
Власти царской, все мертвящей!
Пробудись, народ ты спящий —
Все равны мы, все мы братья! —

6. СОН

Я видел сон, блаженный сон!
Светлел зарею небосклон;
Небес лазурный свод сиял
И землю мирно освещал.
Все было тихо, лишь порой
В зеленой роще вековой
Звучали трелью соловьи
И песни шелкали свои...
Веселых видел я людей
С глазами чище и светлей,
Сияли в них любовь и мир —
Им был отраден жизни пир.

Друг другу ближний руку жал,
 Друг друга нежно целовал
 И дети матери-земли
 Лелеяли любовь в груди...
 Я видел сон, блаженный сон!
 Вдали лежал разбитый трон
 И символ власти — скиптр златой
 Покрыт был пылью и золой...
 Я видел сон, блаженный сон!
 Топор и кнут был раздроблен,
 С короной мальчики играли, —
 Каменья, грязь в нее кидали...
 Вдали костер огромный тлел —
 Оружья склад на нем сгорел,
 Что против ближнего и брата
 Точилось ради зла и злата!..
 Я видел сон, блаженный сон!
 Был храм навеки затворен
 И рабский, подлый фимиам
 Не возносился к небесам.
 Всем было ясно, что исчез
 Рассудком чистым бог с небес..
 И люд свободный обновлен —
 Им храм навеки затворен!..
 Я видел сон, блаженный сон!
 И люб и странен был мне он:
 В ее объятьях я лежал
 И грудь и глазки целовал,
 И ясно в тех глазах видал
 Любви ко мне живой родник,
 В блаженный, лучший жизни миг!

III. НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕРА

Публикация И. Ямпольского

И. И. Гольц-Миллер начал печататься в 1863 г., и за восемь лет — он умер в 1871 г. — в разных журналах того времени появилось лишь десятка три его стихотворений. Кошмарная жизнь, которую отец поэта охарактеризовал отнюдь не являющимися преувеличением словами: «Он был убит преследованиями властей»¹, — и цензурный гнет не могли способствовать ни развитию его поэтического дарования, ни опубликованию написанного.

Незадолго до смерти Гольц-Миллер решил издать сборник своих стихотворений. Он уже готовял его к печати, переписал на белом листе часть стихотворений, набросал предисловие и вел по этому поводу переговоры с Н. А. Некрасовым. По свидетельству школьного товарища Гольц-Миллера, А. Е. Добровольского, среди оставшихся после поэта бумаг было связанное с изданием сборника письмо к нему Некрасова.

После смерти Гольц-Миллера Некрасов не оставил своего намерения. В 1876 г. отец поэта писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Возникшее еще в 1872 году, по инициативе Н. А. Некрасова, предположение об издании в отдельной книжке всех напечатанных в лучших журналах стихотворений несчастного

моего поэта не осуществилось, по причинам от меня независимым, о чем г. Некрасов и дал мне знать тогда же»².

Некрасов, как узнаем из того же письма, просмотрел и биографию Гольц-Миллера, которой должен был открываться сборник. Издание не было осуществлено, по всей вероятности, по причинам цензурного характера³. Кроме Некрасова, отец Гольц-Миллера вел также переговоры с издателем и книгопродавцем А. А. Черкесовым; дважды—в 1871 и в 1876 гг.—обращался он к Стасюлевичу, но и из этого ничего не вышло.

Только сравнительно недавно, в 1930 г., издательство Общества политкаторжан выпустило небольшой сборник «Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер». В него вошли стихотворения, напечатанные самим поэтом, и три вещи, опубликованные в его некрологе в «Вестнике Европы» (1871, № 11) и в издании «Стасюлевич и его современники», том V, среди материалов, касающихся Гольц-Миллера. Отметим кстати, что одно стихотворение, появившееся при жизни поэта, ускользнуло из поля зрения составителей. Это — «С верой за дело», напечатанное в венском журнале «Славянская Заря», 1867, № 4.

В одном из писем к Стасюлевичу отец Гольц-Миллера сообщал, что после его сына осталось около 70 стихотворений. В сборнике напечатано 35, т. е. ровно половина. «Другую половину,— читаем в примечаниях к нему,— повидимому приходится считать безвозвратно погибшей, так как архив покойного поэта до нас не дошел»⁴. Рукописи Гольц-Миллера действительно пока неизвестны, но нам удалось обнаружить тот, составленный и переписанный отцом поэта, сборник, о котором он писал Стасюлевичу в 1876 г., предлагая издать его⁵. Сборник находится в рукописном отделении Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР, в архиве журнала «Русское Богатство». Это — толстая тетрадь со следующей титульной страницей: «Стихотворения Ив. Гольц-Миллера. Издание А. Е. Добровольского. С.-Петербург. 1872 г.». Тут же эпиграф из Некрасова, выбранный самим Гольц-Миллером⁶, когда он занимался подготовкой к печати своих стихотворений:

«Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пою...»

Стихотворениям предшествуют биография, составленная А. Е. Добровольским при содействии отца Гольц-Миллера, и предисловие самого поэта. В сборнике собраны стихотворения, напечатанные при жизни и после смерти поэта, а также несколько вещей, которые были известны нам только по названию (переводы «Отчаяния» и «Пролога к Ямба» Барбье, «Очерки древне-римского быта», «Mater dolorosa» и др.). Сборник этот более чем вдвое увеличивает литературное наследие Гольц-Миллера: в нем 84 стихотворения. Он составлен на основании оставшихся рукописей, о которых его отец сообщал следующее: «Все стихотворения сына моего в рукописях переписаны четко его рукой в тетрадках, а некоторые на отдельных листах. Есть дубликаты с более или менее значительными вариантами»⁷.

Использование рукописей при составлении сборника отразилось, между прочим, в кратких примечаниях, которые следуют за стихотворениями. Здесь, кроме указаний на журналы, где были напечатаны отдельные вещи, отмечено также в ряде случаев наличие рукописных вариантов. Материал расположен в хронологическом порядке; лишь несколько недатированных стихотворений помещено в самом конце. Это дает возможность сделать некоторые наблюдения, касающиеся эволюции взглядов и настроений Гольц-Миллера, у которого в последние годы его жизни, наряду с мотивами разочарования, несомненно была и тенденция к примирению с окружающей действительностью. Сравнение уже известных стихотворений с текстом сборника обнаруживает ряд любопытных разночтений.

Считаем нужным также отметить, что всякое сомнение относительно авторства стихотворения «Дай руку мне, любовь моя», которое еще недавно было высказано В. Е. Евгеньевым-Максимовым⁸, устраняется благодаря наличию его в сборнике (под названием «Ритуфель»).

Из 45 неизданных оригинальных стихотворений и переводов Гольц-Миллера мы считаем 14 наиболее интересных. Все они, кроме последнего, относятся к 1862–1864 гг. и написаны частично в Москве, во время процесса Зайчневского, Аргиропуло, Гольц-Миллера и др., частично в ссылке в уездном городе Симбирской губернии Карсуне.

«Дума» и «Обманчивый призрак» должны были появиться в «Современнике» в 1864 г. В архиве А. Н. Пыпина в ИРЛИ сохранился корректурный лист, на котором, кроме них, помещены три стихотворения Гольц-Миллера, напечатанные во II и III кн. «Современника» за 1864 г., и еще одно («Он любил—за любовь лицемеры»...), до сих пор неопубликованное.

В стихотворении «Памяти предателя» речь идет, повидимому, о Всеv. Костомарове. Правда, он умер в декабре 1865 г., а стихотворение отнесено в сборнике к 1867 г., но, живя в провинции, Гольц-Миллер мог узнать о его смерти с большим опозданием.

Последние 12 строк стихотворения «Скорбь и желчь вырывают те звуки» — в воспоминаниях Р. В. Авдиева, «Ив. Ив. Гольц-Миллер в Одессе», опубликованных в V томе издания «Стасюлевич и его современники», стр. 184. Строки эти были вписаны в записную книжку Авдиева одним из друзей Гольц-Миллера, а Авдиев не подозревал, что они принадлежат самому Гольц-Миллеру.

В заключение, пользуюсь случаем, чтобы сообщить список известных мне статей Гольц-Миллера, напечатанных в годы его жизни в Одессе в газете «Одесский Вестник». Они могут быть полезны биографу Гольц-Миллера и исследователю его литературной и революционной деятельности.

«Театральные заметки» — 1865, № 199 от 11 сентября.

«Театральные заметки. II. Драма г. Дьяченко на Одесской сцене» — 1865, № 206 от 21 сентября.

«Театральные заметки. III. Нечто обо всем (По поводу комедии «Было да отжило»)» — 1865, № 219 от 7 октября.

«Театральные заметки. IV» — 1865, № 233 и 235 от 26 и 28 октября.

«Театральные заметки. V. Я прозрел! (Посвящается театральной публике)» — 1865, № 267 от 4 декабря.

«Дети и уход за ними (Посвящается нянюшкам)» — 1865, № 284 от 25 декабря.

«Черный трагик и белая публика» — 1866, № 26 от 3 февраля.

«Театральные заметки» — 1866, № 203 от 17 сентября.

Все перечисленные статьи подписаны «Ив. Гольц-Миллер», за исключением последней, под которой стоит только буква «М». Но она несомненно принадлежит ему, что подтверждается в частности ее началом: «Года три назад довелось мне жить в глухом уездном городишке одной из приволжских губерний».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Под редакцией М. К. Лемке, т. V, СПб. 1913, стр. 164.

² Там же, стр. 175.

³ Об отношении властей предержавших к Гольц-Миллеру уже после его смерти свидетельствует такой факт. В середине 1871 г. «Иллюстрированная Газета» представила в цензуру его некролог. С.-Петербургский цензурный комитет запретил его, как некролог человека, «которого действия правительством были преследуемы». Запрещение было обжаловано, и Главное Управление по делам печати разрешило некролог, но за «отдельными исключениями» (Журнал засе-

даний С.-Петербургского цензурного комитета за 1871 г.). Что именно было исключено — в точности неизвестно, но в «Иллюстрированной Газете» уже в декабре 1871 г. (№ 49) появилось пятнадцать совершенно безобидных в цензурном отношении строк.

⁴ «Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер», М. 1930, стр. 65.

⁵ «М. М. Стасюлевич и его современники», т. V, стр. 175.

⁶ Там же, стр. 176.

⁷ Там же, стр. 169.

⁸ Сборник «Революционно-демократическая поэзия 60-х годов», Л. 1934, стр. 184.

1. ДРУГУ

Не кручинься, друг любезный,
 Грусть стряхни с души долой,
 Ведь тоскою бесполезной
 Не изменишь жизни строй!..
 Верь, что боремся не тщетно
 Мы с насильем и со злом,
 Верь — уж близок день заветный,
 День победы над врагом...
 Пусть же сердце негодует,
 Пусть в нем ненависть кипит, —
 А добро восторжествует,
 Правда в мире прозвучит!
 Ну-же, друг мой, веселее!
 И с надеждой молодой,
 Грусть стряхнув с души, смелее
 Вступим вместе снова в бой!

Москва, 1862 г.

2. ЧЕМ НЕ ГРАЖДАНИН?

Нету в нем безумной гордости —
 Навожденья сатаны,
 Нету духа непокорности
 Ко преданьям старины;
 Сумасбродными затеями
 Он мальчишек не пленен,
 Вольнодумными идеями
 Тихий нрав не развращен...
 В каждый праздник, в воскресенье,
 Ходит к службе в божий храм,
 Развито в нем уважение
 К предержавшим всем властям;
 Поведения он трезвого,
 В рот хмельного не берет,
 Нрава хоть не очень резвого,
 Но горячий патриот;
 Искру божью послушания
 В нем родитель заронил —
 С детства спину к изгибанию
 Пред начальством приучил;

Подчиненный он примернейший,
 Образцовый семьянин,
 Патриот не лицемернейший —
 Чем еще не гражданин?..

Москва, 1862 г.

3. В ГРОЗУ

Небо насупилось тучами черными,
 Молнии ярко режут глаза,
 Блещут, сверкая лучами узорными —
 Жутко смотреть — так взыгралась гроза!

Но отчего же грозой не люблюсь я,
 Что же так больно зануло во мне!
 Бурю заслышав, бывало, волнуясь я,
 Кровь закипает, горю как в огне!..

Помню — бывало я, гром лишь послышится,
 Дрожу весь, дышится как-то вольней, —
 Что же теперь грудь так слабо колышется
 И на душе все грустней и грустней?..

Долго ли ждать нам ту бурю желанную,
 Долго ли ждать наш желанный исход?
 Долго ли жизнь коротать бесталанную
 В грязи безвыходной мелких невзгод?

О, поскорей бы нам в битву упорную,
 В бой за права человека вступить,
 О, поскорей бы порвать нам позорную
 Связь с нашим прошлым — и внове зажечь!

О, приходи же ты, грозная, дикая —
 Сердце изныло тоской по тебе,
 О, приходи ты святая, великая,
 Не дай заглухнуть нам в мелкой борьбе!

А мы, исполнены чудною силою,
 Истины вечной согреты огнем,
 Ринемся в бой с этой жизнью постылою,
 Весело к смерти в объятья пойдем!

Только приди ты скорей, заповедная!
 Ждем мы тебя, как невесту жених —
 Не допусти ж, чтоб в сердца наши бедные
 Дух ядовитый сомненья проник...

Москва, 1862 г.

4. ДУМА

Быстро время мчится, даром гибнут силы,
 Там, вдали, уж веет холодом могилы...

Страшно, как заглянешь в эту даль неволью:
 И кругом так пусто, и в груди так больно!

И. И. ГОЛЫЦ-МИЛЛЕР

Фотография

Институт Литературы, Ленинград

А надежда в сердце все-таки таится,
 Что не весь же век свой нам впотьмах томиться!

Правда, мы сроднились с болью и страданием,
 Не легко нам верить светлым упованиям!

Да зачем с других нам брать себе примеры:
 Иногда безверье лучше самой веры...

С помощью чужою не уйдем далеко,
 Наша сила скрыта в нас самих глубоко —

Да, хоть и бесследно юность пролетела,
 Но осталось много силы в нас для дела...

Только волю чувству, волю мысли надо —
 И от сна воспрянет сонная громада;

Только воздух чистый нам прольется в груди —
 Закипит работа и найдутся люди!

Закаленный долгим, тяжким испытанием,
 Встанет дух наш, грозен сил своих сознанием,

А пред этой силой дрогнет тень былого...
 Обновленной жизнью жить начнем мы снова,

Москва, 1862 г.

5. МЕРТВАЯ ТИШЬ

Сон царит над землей...
 В тишине гробовой
 Жизни звук уловить не пытайся!
 Ночь глухая кругом...
 Страшно в мраке ночном —
 Есть ли жив-человек? откликайся!

Нет ответа на зов,
 Только стоны без слов
 Буйным ветром отсюда приносятся...
 Сердце ноет с тоски —
 Ах, ему ведь близки
 Эти стоны, что в душу так просятся!

И опять над землей,
 В тишине гробовой,
 Ночь одна без конца лишь чернеется...
 О, когда же сквозь туч
 Солнца утренний луч
 Над печальной землей заалееется?!

Москва, 1862 г.

6. ОБМАНЧИВЫЙ ПРИЗРАК

«Веселитесь, друзья, час желанный настал:
 Ночь бледнеет пред силой рассвета» —
 Чей-то голос в толпе жадной света вскричал...
 — Полно, братья, не призрак-ли это?
 Мы так свыклись уже с жизнью в мраке густом,
 Мы так долго скитались без света,
 Что приходим в восторг перед каждым лучом, —
 Но взгляните — не призрак-ли это?
 Свет блеснул и угас, и темней стала ночь,
 Доживем-ли еще до рассвета?
 Так долой же обман, ожидание прочь!
 Мы ведь знаем, что призрак все это!..

Москва, 1862 г.

7. КОСМОПОЛИТ

Мой дух не прикреплен оковами преданья,
 Как раб, к земле — он вольный селянин...
 Отечество мое — везде, где есть страданье,
 Я человек — вселенной гражданин!..

Где разум и любовь в борьбе с гнетущей силой,
 Там я любви и разума боец...
 И хоть тяжел мой путь, но этот путь унылый
 Дороже мне, чем лавровый венец!..

Карсун, 1863 г.

8. КОГДА-ЖЕ?

И день иде, и ничь иде...
И голову схопивши в руки,
Дивуеся — чому не йде
Апостол правды и науки?!

Т. Шевченко

Когда ж, когда настанет век
Свободы, разума, любви,
И перестанет человек
Бродить, как дикий зверь, в крови?

Когда ж падет господство тьмы,
И царство ада на земле,
И божий свет увидим мы,
И отразится на челе

Людей — разумной жизни след
И будет правда нам закон?
Когда ж?.. когда? ужели нет
Конца для варварских времен?!

Карсун, 1863 г.

9. СИРОТА БОЛЬШОГО СВЕТА

Не мать своей грудью ребенка вскормила,
И в люльке качала не мать,
Не мать, глядя ласково в детские очи,
Учила его лепетать...

Как жалкий щенок, на прогнившей соломе
В конуре вонючей он взрос,
И первый кусок его смочен был влагой
Отцовского пота и слез.

И первое слово он выучил: хлеба!
Не знал, что такое любовь,
А в сердце его уж не раз закипала
Ребяческим бешенством кровь...

Не видел он ласки, не видел привета,
И дружбы священной не знал,
Не слышал, что в мире все сестры и братья —
Никто ему «брат!» не сказал.

Он всем был чужой и ему все чужие,
Он жил лишь сегодняшним днем;
Он умер, как жил, среди улицы шумной —
И все позабыли об нем.

Пред смертью (кто знает, быть может, впервые)
Припомнил он детство свое,
Он мать свою вспомнил — и, грешный безумец,
В отчаяньи проклял ее!..

Карсун, 1864 г.

10. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Гуди, мятель! в том грустном завываньи
 Я нахожу отраду: предо мной,
 Под жалобу твою, в воспоминаньи
 Былые дни проходят чередой,
 Мелькают образы былые — и в молчаньи
 Я на руки склоняюсь головой...

Прошла пора душевного ненастья —
 И как хотелось бы ее мне воротить!
 О, лучше жить под бременем несчастья
 Иль в бурном вихре голову сломить,
 Чем в черствой старческой коре бесстрастья
 До гроба, заживо себя похоронить!..

1864 г.

11

Родина-мать! твой широкий простор
 Скорбные думы наводит...
 В нашей земле по ночам, точно вор,
 Мысль озираяся бродит...
 Мысль озираяся бродит как вор,
 Словно убийца тех губит,
 В ком, равнодушным и подлым в укор,
 Сердце тоскует и любит.

Апрель, 1864 г.

12

Путь мой лежит средь безбрежных равнин,
 Все здесь цветет, зеленеет,
 Только от этих роскошных картин
 Скорбью тяжелой мне веет.
 Сердце привычно сжимает печаль.
 Очи туманит слезою...
 Чудится мне: по полям этим, вдаль,
 Узники идут толпою.
 Муки застыли на лицах у них,
 Руки им цепи сковали;
 И равнодушно рыданиям их
 Эти равнины внимали.
 Нет здесь отрады, в этих степях,
 Мрак все, страданье и слезы!
 Здесь без следа разбиваются в прах
 Юности светлые презы.
 Здесь одиноко, бесплодно, любовь
 Гибнет в борьбе безотрадной...
 Кровь свою чистую, лучшую кровь
 Пьешь ты, о родина, жадно.
 Кончить пора, о жестокая мать,
 Прочь испытания эти!
 Скоро, быть может, тебя проклинать
 Станут несчастные дети.

Октябрь, 1864 г.

Скорбь и желчь вырывают те звуки:
 «Догорай, о бессильная сила!
 В бесполезной тревоге и муке
 Мое бедное сердце изныло.

Изнемог я в борьбе безотрадной,
 Скорбь и слезы мне выели очи,
 Мозг мой высох в тоске беспощадной
 В эти долгие страшные ночи.

Изнурило меня, истерзало
 Это пламя, что грудь мне палило...
 Догорай, о безумное пламя!
 Пропадай, бесполезная сила!

Одинокий и жалкий страдалец,
 Твоим стонам я жадно внимаю;
 С тихой жалобой, сердце мне рвущей,
 Я проклятия злобно мешаю.

Будь ты проклята, ложная сила!»
 Будьте прокляты, к правде стремленья!
 Вы, избившие мозг мой и руки
 Тяжкой цепи позорные звенья!

Я вас в куче навозной зарюю,
 Я в грязи загашу это пламя,
 Изорву на клочки я и скрою
 Чахлой юности жалкое знамя...

А на нем сколько слов благородных,
 А над ним сколько слез-то пролито,
 Сколько думалось мыслей свободных,
 Сколько жизни безумной прожито...

Есть что в грязь затоптать мне ногами,
 Есть над чем мне до слез насмеяться,
 Есть над чем до скрипенья зубами,
 До рыданий глухих надругаться...

Декабрь, 1864 г.

14. ПАМЯТИ ПРЕДАТЕЛЯ

Ты умер, не купив и тем себе прощенья —

И над твоей могильною плитой
 Немым протестом против примиренья
 Витают тени преданных тобой.

Ты умер, но увы — не умерла с тобою
 И память черная твоих позорных дел,
 И даже там, за всемирящею чертою
 Презренье твой единственный удел...

И не найдет твой прах забвения, покуда
 Рукрой невидимой начертано над ним:
 «Под камнем сим покоится Иуда.

Прохожий, помолись о тех, кто предан им!»

IV. «СОН КАТОРЖНИКА» И ЕГО АВТОР

Публикация Н. Быховского

Широкая волна революционно-демократического движения начала 60-х годов прошлого века захватила также и лучшие, наиболее сознательные элементы офицерства, примкнувшего к революционному движению.

История революционного движения 60-х годов знает офицеров Арнольда и Сливницкого, расстрелянных за пропаганду среди солдат, В. А. Обручева, сосланного на каторгу за участие в распространении «Великорусса», Ушакова, присужденного к каторге за пропаганду среди рабочих в воскресных школах, и других участников революционного движения этой эпохи из военной среды. Всё это была офицерская молодежь, отдававшаяся энтузиазму молодых порывов.

В отличие от них Александр Афанасьевич Красовский, тоже вышедший из военной среды той эпохи, стал на путь революционной борьбы уже в зрелом возрасте. В момент совершения «государственного преступления», приведшего его на каторгу, а затем и к безвременной гибели, ему было уже 40 лет. Он был отцом трех детей, из которых старшей дочери было 11 лет. По служебной карьере он был уже в высоких чинах — подполковником Александрийского драгунского полка. Он участвовал в Крымской войне, где получил пять ран и за храбрость удостоен был медали. Будучи солидно образованным и знающим несколько иностранных языков — немецкий, французский, английский и польский, — он благодаря этому был прикомандирован к Киевскому кадетскому корпусу. Пред ним открывалась перспектива успешного продвижения по службе до высших чинов и удачной карьеры.

Но вместо этого он предпочел тернистый путь революции. Захваченный революционным движением той эпохи, усердный читатель «Колокола» и других революционных изданий, он сближается в Киеве с украинскими националистами, так называемыми «хлопоманами», и с революционной молодежью, на которую имеет значительное влияние. Он пытается также сблизиться в целях революционной пропаганды с крестьянской массой, волновавшейся после создавшей для нее новую кабалу реформы 19 февраля. Одна из этих попыток, когда он в конце 1861 г., переодевшись в крестьянское платье, вел с крестьянами беседы по волновавшим их вопросам, повлекла за собой вызов Красовского к высшему начальству для надлежащего внушения.

Украинские губернии — Киевская, Черниговская, Подольская — принадлежали к губерниям, где крестьянские волнения после отмены крепостного права были очень сильны и упорны.

Летом 1862 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор доносил военному министру, что при введении уставных грамот в Каневском, Черкасском, Чигиринском, Звенигородском и Тарашанском уездах Киевской губернии «крестьяне, под влиянием повсеместно распространяемого ложного убеждения в новых льготах, упорно отказываются от принятия грамот и покоряются не иначе, как по приходе войск и при арестовании главных виновников»¹. Особенное упорство проявили крестьяне местечка Богуславки Каневского уезда. Чтобы привести в повинение богуславских крестьян, генерал-губернатор распорядился послать туда 4-й резервный батальон Житомирского пехотного полка, который должен был выступить 19 июня 1862 г. в Богуславку.

Глубоко возмущенный этим, Красовский написал прокламацию к солдатам-житомирцам, переписал ее в шести экземплярах и, переодевшись в крестьянское платье, 17 июня 1862 г. разбросал ее по лагерю, где стоял резервный батальон.

К несчастью, некоторые из офицеров, которым и раньше было известно о неблагонамеренности Красовского, одевавшегося в крестьянское платье для бесед с крестьянами, узнали его и донесли по начальству. За этим сейчас же последовали арест и вся дальнейшая печальная судьба этого человека,

Прокламация Красовского к солдатам, написанная сжато, чрезвычайно понятна, с полным знанием психологии русского солдата той эпохи, с учетом его умственного уровня и миропонимания, насыщенная негодованием против зверских насилий, совершаемых над крестьянами, призывала солдат не поднимать руку против братьев своих, крестьян. «Русский солдат защитник своей родины, а не цепная собака, одинаково кусающая, как чужого, так и своего», говорилось в этой прокламации... «Вам велят быть не друзьями, не спасителями того народа, к которому вы сами принадлежите, между которым находятся ваши отцы, братья, сестры и матери. Вам прикажут сечь и расстреливать их ваши начальники в угождение тем чиновникам и помещикам, которые так грабят и разоряют несчастного мужика. И вы будете угождать тем людям, которых вы сами терпеть не можете. Где же тут правда? Приказ сечь своих и стрелять по ним за то, что они хотят земли и воли, будь он и самого царя приказ, все же он приказ окаянный. Исполнять его ни в коем случае не следует, за это и бог накажет и свои близкие люди проклянут. Сто раз легче умереть, как ваши товарищи умирали в Крыму, чем жить палачами отца и матери, отца и брата, палачами родной земли русской... Поведут вас, идите, но до народа и пальцем не дотрагивайтесь. Кровь его падет на вас и детей ваших. Воины царя Ирода, избивавшие младенцев, и воины Пилата, распявшие Христа, тоже исполняли приказы начальства, но этих преступлений народ им до сих пор не простил. То же будет и с вами, если исполните окаянный приказ».

Почерк Красовского вполне изобличал его авторство этой прокламации, да он и не думал отрицать этого. При обыске у него нашли революционные брошюры и стихотворения. На вопрос, для чего он держал их у себя, он ответил, что хранил их для своего сына, чтобы завещать ему после смерти своей или еще при жизни передать ему, когда он подрастет и в состоянии будет все понимать, как понимает отец его. Поступить так он считал своей «священной обязанностью, как гражданина и отец семейства». Так же держался он на следствии и суде, заявляя, что, написав прокламацию, он только выполнил свой нравственный и гражданский долг, что поступок свой, вопреки мнению правительства, он считает благородным, а побудило его к этому негодование на жестокие расправы с народом и позорную роль палачей, которую навязывает войску правительство.

На докладе о тяжком «государственном преступлении», совершенном подполковником Красовским, и аресте его Александр II, лично знавший его с детства, написал следующую резолюцию: «По окончании следствия, если не окажется нужным вытребовать его сюда, то предать его немедленно суду в Киеве и применить к нему полевые уголовные законы»².

По приговору военно-полевого суда Красовский был присужден к лишению всех прав состояния и к смертной казни через расстреляние. Смертная казнь была замена «политической смертью» и 12-летней каторгой, уменьшенной затем до восьми лет. После объявления ему приговора, присуждавшего его к смертной казни, он сказал своим судьям: «От души благодарю, для меня смерть теперь лучшее благо». 26 октября 1862 г. в 7 час. утра пред войсками киевского гарнизона, на эспланаде киево-печерской цитадели, на специально устроенном эшафоте, Красовскому объявлен был «высочайше» подтвержденный приговор суда и совершена над ним гражданская казнь. В ноябре 1862 г. он был отправлен на каторгу.

Насколько велико было озлобление правительства, защищавшего интересы господствующих классов, против Красовского, видно из того, что его отправили в Сибирь не в сопровождении жандармов, на почтовых лошадях, как отправляли тогда всех политических преступников, присужденных к ссылке в Сибирь и на каторгу, а пешком, с обычным уголовным этапом, на общем уголовном режиме. Целый год продолжался этот этапный путь его, пока он прибыл на Нерчинскую каторгу. Жена его, не выдержавшая этого удара, сошла с ума и помещена была в дом умалишенных, о чем доложено было Александру II. Трое детей остались осиротевшими, без родителей. Организм Красовского тоже не выдержал

этих испытаний. На этапном пути он неоднократно болел и лежал в тюремных больницах. Из тобольской тюремной больницы он написал 6 апреля 1863 г. Александру II прошение, в котором просил заменить ему каторжные работы службой рядовым солдатом в войсках. Но и здесь он указывал, что его поступок был вызван возмутительным зрелищем повсеместного наказания войсками крестьян. Он выражал надежду, что царь, знавший его с детства, поймет и оценит его поступок, так как им руководили при этом «не корысть, не злоба, не личное честолюбие, а жажда правды и любовь к родине». На этом прошении Александр II положил резолюцию: «Оставить без последствий».

Каторгу Красовский отбывал с 28 ноября 1863 г. в Александровской тюрьме на Нерчинских заводах вместе с Н. Г. Чернышевским. Согласно положения о ссыльно-каторжных, он полтора года находился в разряде испытуемых, т. е. до 28 мая 1865 г. По окончании этого срока, он еще более двух лет просидел в каторжной тюрьме. Перечисленный, согласно статье 569-й устава о содержащихся под стражей, осенью 1867 г. в разряд исправляющихся, он получил разрешение поселиться на вольной квартире в поселке Александровского завода. Тогда же это разрешение было дано и Чернышевскому, который тоже числился уже в разряде исправляющихся, и находившемуся в таком же положении поляку Масло. Таким образом, Красовский и Чернышевский одновременно были на каторге и жили на частных квартирах в поселке Александровского завода. В каторжной тюрьме и на квартире в поселке при заводе Красовский продолжал жить общественно-политическими интересами революционной России того времени. Некоторые наиболее печальные моменты общественно-политических событий особенно тяжело переживались им. Свои сокровенные думы, выливавшиеся у него иногда в стихотворной форме, он доверял маленькой самодельной записной книжке, испанной мельчайшим бисерным почерком. Портативность этой записной книжки необходима была, чтобы сохранить ее в стенах каторжной тюрьмы от взоров тюремщиков. Если бы она была найдена у него, то несомненно, что Красовский получил бы еще не мало добавочных лет каторги, а может быть, еще и большее наказание. Но, с другой стороны, крохотный размер книжечки позволял записывать туда только то, что он считал наиболее важным.

11 июня 1868 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления Кузьмин телеграфировал III отделению, что Красовский бежал верхом на лошади, а затем в дальнейшем сообщил, что он найден мертвым в семнадцати верстах от Александровского завода с признаками самоубийства. При нем оказался фальшивый паспорт. Когда об этом доложили Александру II, то он прежде всего потребовал запросить восточно-сибирского генерал-губернатора, на каком основании посмели разрешить Красовскому выйти из тюрьмы и поселиться на частной квартире. Кроме того, он требовал, чтобы местные власти точно убедились, действительно ли найденный в тайге труп тождествен с Красовским. Самодержец огромной многомиллионной империи боялся, как бы Красовский не оказался в живых и снова не занялся «крамолой».

Сибирская администрация на грозный запрос царя ответила, что Красовский был выпущен из каторжной тюрьмы на точном основании существующих законов. Указывала она также и на хорошее поведение Красовского в каторжной тюрьме, что не давало оснований лишать его тех прав, которые предоставлялись всем каторжанам. Тут же сообщалось, что хотя на тех же законных основаниях Чернышевскому тоже предоставлено было жить на частной квартире в поселке Александровского завода, но после побега Красовского он был снова заключен в тюрьму; хотя никаких законных оснований для этого не было, но царское правительство в таких случаях не церемонилось со своими собственными законами. Таким образом Чернышевский пострадал от побега Красовского. До увоза в Вилюйск Чернышевский продолжал оставаться в тюрьме.

Товарищи Красовского по каторге, не знавшие, что самоубийство Красовского документально подтверждено, предполагали, что он был убит с целью гра-

Я потерял ночью в дороге такие две вещи, которые непременно откроют мои следы. Лучше умереть, чем отдаться в руки врагов живым. А. К.»

Потерял он пальто, в котором была та маленькая записная книжка, в которую он заносил самое важное и значительное, а также начерченный на папиросной бумаге план китайской границы, лежавший в этой же книжке. Предполагая, что, когда начнутся розыски после обнаружения побега, все это будет найдено и откроет его путь побега и отдаст в руки правительства его заветную книжечку с крамольными мыслями и стихами, Красовский решил застрелиться. Действительно, это грозило ему не только удлинением каторги, но и наказанием плетьюми за побег. Потерянное пальто с книжечкой и планом, действительно, были найдены тогда же, недалеко от того места, где лежал уже мертвый Красовский.

Мало надеясь на успешность побега и решившись не отдаваться живым в руки властей, Красовский оставил у себя на квартире завещание, начинавшееся словами: «Во имя свободы, равенства и святого братства, аминь». Свое решение бежать, несмотря на то, что ему оставался всего лишь год до выхода на поселение, и несмотря на то, что сам он мало верил в успех побега, он объясняет в этом завещании опасениями снова подвергнуться обвинениям и опять очутиться в стенах каторжной тюрьмы. Среди местного крестьянского населения начались волнения. Крестьяне взбунтовались против волостного головы. В таких случаях начальство всегда обвиняло политических в подстрекательстве. Но из трех политических, живущих здесь на частных квартирах, Чернышевский вел замкнутую жизнь, почти совершенно не выходя из квартиры и ни с кем не общаясь; Масло даже не говорил по-русски. Следовательно, обвинение падет на него, Красовского, который уже и раньше занимался пропагандой среди крестьян и солдат. Зная его прежние попытки пропаганды среди крестьян, можно думать, что и здесь он сблизился с местными крестьянами и имел влияние на них, а потому эти опасения были основательны.

Характерна также в этом завещании забота Красовского, чтобы из-за его побега не пострадали начальство каторги и товарищи, оставшиеся здесь. Как ни ненавистно ему каторжное начальство, но «было бы все же высшей несправедливостью, — пишет он, — если бы оно подверглось преследованию за этот побег». Он указывает, что каторжное начальство было достаточно бдительным и строгим, но побег возможен, ведь, даже из самых крепких и строгих тюрем. Товарищи же по каторге никакого участия в его побеге не принимали, тем более, что всякие сношения между ними строго воспрещались начальством, поэтому он просил быть справедливым к ним. Тем не менее, как упоминалось уже, после побега Красовского Чернышевский и Масло были снова заключены в каторжную тюрьму.

В записной книжечке Красовского находились его письмо Некрасову² и куплеты «Сон каторжника». Послание Некрасову было вызвано «неверными звуками» «поэта скорби и печали» после каракозовского выстрела. Исключительно тяжело, очевидно, переживался этот поступок Некрасова политической каторгой, где находился ближайший идейный товарищ Некрасова, Чернышевский. Чрезвычайно осторожный и сдержанный, Чернышевский свои тяжелые переживания хранил в себе и все же, когда он увидел в апрельской книжке «Современника» за 1866 г. стихотворение Некрасова Комиссарову, он не совладал с собой, и книга выпала у него из рук. У Красовского же это негодование вылилось в письмо, начинавшемся словами: «Беранже ты будешь с виду, но Катков душой». Чтобы искупить политическое падение Некрасова, Красовский рекомендовал ему в письме по этому же поводу написать новое стихотворение «во всех отношениях еще более превосходное, чем «Размышление у парадного подъезда», пойти за это на каторгу и занять здесь место «между покойным Михайловым и еще живым Чернышевским»³. Повидимому, Красовский надеялся рано или поздно как-нибудь отправить это послание свое по адресу.

«Сон каторжника» — это по основной идее своей призыв к восстанию против тирании царизма. При этом здесь сильно сказываются ненависть и презрение

автора лично к Александру II и всей фамилии Романовых, к придворной камарилье, державшей в своих руках судьбы России, а также к окружавшей царя хищной паразитической клике высшего дворянства. Находят здесь отражение и факты общественно-политической жизни того времени, привлекавшие к себе особенное внимание. Некоторые из куплетов очень удачны, другие значительно слабее, но надо, ведь, принять во внимание, что автор их не был поэтом по званию, а изливал иногда в поэтической форме то, что в наибольшей степени волновало его. «Сон каторжника» свидетельствует, что за стенами и запорами каторжной тюрьмы, за много тысяч верст от культурных центров, в далеком и глбом Акатуе, узники политической каторги 60-х годов продолжали жить теми общественными и политическими интересами, какими жила вся радикальная и революционная Россия того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. И. Игнатович, На другой день после освобождения, изд. Политкаторжан, Москва 1931 г., стр. 39.

² Централхив. Дело III отделения 1 эксп. 1862 г. № 230, часть 42. «О революционном духе народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний. О подполковнике Красовском Александре Афанасьевиче».

³ Письмо Некрасову опубликовано М. М. Клевенским в «Красном Архиве», т. XXXVII.

СОН КАТОРЖНИКА

Холодный, голодный
И голый как перст
Прошел по этапу
Я тысяч семь верст.
Россия, Россия,
Федора моя!
Огромная дура!
Как жаль мне тебя!
В остроге на нарах
Приснился мне сон —
Гудит за морями
Торжественный звон.
Россия, Россия,
Федора моя,
Послушай, ведь, это
Звонят для тебя...
Уж звон за морями
Все звонче звучит
И людям в неволе
Дремать не велит.
Россия, Россия,
Федора мой свет!
Ужель не проснешься
И в тысячу лет?
Ребята, не спите!
Ведь ночь не долга,
Вы колья берите
И бейте врага!
Россия, Россия,
Федора моя,
Попробуй, увесиста-ль
Лапа твоя.

Был царь Николашка,
 Злой деспот тиран,
 Теперь Алексашка,
 Нетрезвый болван —
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Ты — пьяная дура,
 Мне срам за тебя —

Не стыдно-ль тирану
 Почет воздавать,
 Не стыдно-ль болвана
 Царем признавать.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Набитая дура,
 Мне срам за себя —

Вот встал, встрепенулся
 Наш сонный народ,
 Взяв в руки дубинку,
 Да в Питер идет.

 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Ужель поумнела,
 Как рад за тебя!

Там немцы да немки
 По клеткам сидят
 И сладко, как пташки,
 Все песни поют.

 Федора, Федора,
 Корова моя,
 Немецкие руки
 Доили тебя!

Столбы гренадеры
 Торчат на часах —
 И сажа на баках
 И деготь в усах...

 Федора, Федора,
 Кобыла моя,
 Татарскою плеткой
 Учили тебя.

Едва распознали
 Братишек своих,
 Как к полу пристали
 Приклады у них.

 Федора, Федора,
 Там толк не велик,
 Где власти опора
 Нагайка, да штык.

Холопы, мамзели,
 Жандармы, попы
 Попрятались в щели,
 Как утром клопы...

 Россия, Россия,
 Федора моя,

КАРТА КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ, НАРИСОВАННАЯ А. А. КРАСОВСКИМ
 ПЕРЕД ЕГО ПОВЕГОМ
 Центральн. архив, Москва

Как много подобных
 Клопов у тебя.
 Трепещет от страха
 При главных дверях
 Прегадкая птица
 О двух головах...

От князя Олега,
 Федора моя,
 Та пташка клевала
 Все мозг у тебя!

Мы входим — на троне
 Алеха сидит
 И пьяный в короне
 Штанишки кроит.

Утешься, Федора,
 Напрасно не плачь,
 Он нынче закройщик,
 А завтра палач ¹.

И скачет в порфире
 Колдунья с хвостом
 И ручки кадилом
 И ножки крестом.

Не верь, ой, святая
 Федора моя,
 Была лютеранкой
 Царица твоя ².

Пред нею дегина —
 Князек первенец
 И в деда, скотина
 И в батьку, подлец.

Россия, Россия,
 Федора моя,
 Седлать не давайся,
 Зашпорят тебя.

С ордою красивых,
 Но глупых ребят,
 В звездах с колыбели
 Великих княжат

Россия, Россия,
 Федора моя,
 Седлать не давайся
 Загонят тебя.

Статс-дам престарелых
 Прекраснейший пол
 И фрейлин шеренга,
 Поднявши подол...

Ведь это недаром,
 Федора моя,
 Им сластей по горло,
 Тебе ни черта.

Тут шайки злодеев,
 Великих мужей,
 И камер-лакеев,
 И камер-пажей.

Россия, Россия,
 Федора моя,
 Не это-ль хваленая
 В них доблесть твоя?
 Что совесть на жертву
 Рескриптом несут,
 Что кровь из народа,
 Как пьявки сосут.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Не эта-ль хваленая
 Мудрость твоя?
 Ученым надворным
 С дипломом осла
 Писакам придворным
 Нет мер и числа.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Соврать не краснея —
 То правда твоя.
 У трона поэты
 Под кнут цензоров
 Слагают куплеты
 Про знатных воров.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Украсть не краснея —
 То храбрость твоя.
 Смиренный Феодор³,
 Аксаковский «День»⁴
 Толкуют о вздоре —
 Несут дребедень.
 А ночи темнее,
 Федора, те «дни»,
 Прямые монголы
 Славяне твои.
 Премудр, благороден,
 Мастит и учен,
 Сам старец Погодин⁵
 В Федору влюблен.
 Ты старцу за это,
 Федора, скажи
 По-русски спасибо,
 Но шиш покажи.
 Московский профессор
 Здесь умствует так:
 Милль-Стюарт повеса,
 А Бюхнер дурак.
 Федора — грех тяжкий
 Быть в публике там,
 Где трутся бумажки
 В присутствии дам.
 Катков-пустомеля
 Смешит, говоря...

Слава Вильгельма Телля
 Есть жизнь за царя.
 А ну-ка, Федора,
 Ему подтяни,—
 От «Вестников Русских»
 Нас, боже, храни.

Фетюк⁶ негодует
 На дерзость гусей,
 Стихию волнует
 Шутник Алексей⁷.
 Не нужно, Федора,
 Совать туда нос,
 Где в сальностях море
 Есть грязный донос.

Ко мне, мой Леонтьев⁸
 Мы дичь понесем
 И целость Федоры
 Той чушью спасем.
 Довольно вам вздору
 И чуши нести,
 От дичи Федору
 Не лучше-ль спасти?

Ведь Курск это Вильно,
 Как золотый пятак,
 И русским насильно
 Не будет поляк.

Федора! безумное
 Чадо мое!
 Не трогай чужого,
 Утратишь свое!

Прославим отменный
 Вкус водки и щей
 И святость нетленных
 Задонских мощей.

Федора, смирись,
 Рек царь Николай —
 Крадь, пьянствуй, молись,
 Да взятки давай.

Восхвалим законов
 Стотысячный том
 И вольность поклонов
 Пред царским кнутом.
 Федора, Федора,
 Твой царь-богатырь
 Сто тысяч поляков
 Отправил в Сибирь.

Опричников братством
 Начнем величать,
 Иль равенство, братство
 Да право молчать,
 Смотри-ка, Федора,
 Катков либерал
 И в русские лорды
 Не даром попал.

Ко мне, мой Скарятин,
 С газетою «Весть»⁹
 Поставим на сцену
 Дворянскую честь.
 Без чести, Федора,
 Скарятин шалун
 Арапником гонит
 Дворянский табун.
 Возвысим почтенных
 Господ кулаков
 И впрочем презренных
 Мы в грязь бедняков.

Я влюблен в твою видуша ^{то Кирья}
 Шансы Дня меня через
 Курь неблагодарные я
 матерьяльничества стодорого
 такие Бези Коробья
 неперемитно отлучают
 шов с шов Мурине уше
 рет - шить отдаваться
 в журнал Врагов, шивы
 А.К.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА А. А. КРАСОВСКОГО, НАПИСАННАЯ КРОВЬЮ
 Центрархив, Москва

Проездить, прошляться
 Пропить и проесть
 И в пух проигратся
 То барская честь.
 Друзей заграничных
 На славу ругнем,
 Мальчишек столичных
 Латынью пугнем¹⁰.
 Старушка Федора
 Еще молода...
 К чему рассужденья,
 Ведь, с ними беда.

Седые вельможи,
Молитвы творя,
Вон лезут из кожи,
Чтоб тешить царя.

Такой уж, Федора,
Здесь принятый тон,
За ругань спасибо,
За плоху поклон.

Чета Адлербергов¹¹

Танцует гавот,
А князь Долгоруков¹²
Не в такте поет.

Без складу и ладу
На русскую статью
Того уж Федоре,
Никак не достать.

Граф Берг¹³ с Муравьевым¹⁴,

В чамарках сидят
Из польских слугенок
Конфеты едят.

Кичливой Европе
Сам князь Горчаков¹⁵
Готовит паштеты
Из русских оков.

Ах, долго ли, братцы,
Нам жизнь проклинать,
И тело и душу
Врагам отдавать?

Федора, Федора,
Чтож трудного тут?
Смотри-ка соседи
Как славно живут.

Довольно терпели
От недругов злых,
Теперь под качели
Спровадить бы их.

Качай их, Федора,
Качай в добрый час,
Висело не мало
Народу у нас.

Не нужно нам царства,
Не нужно господ.
Царем и владыкой
Сам будет народ.

Что правда — то правда,
Люблю молодцов.
Долой же тиранов,
Долой подлецов!

За тяжкую муку,
За нашу печаль
Их вздернуть повыше,
Ей богу, не жаль.

Повесить, Федора,
Таких поросят —

Высоко стояли,
 Пусть выше висят.
 Нас много, их мало —
 Пусть гибнут они.
 Их сила пропала,
 Их дни сочтены.
 Федора, чтож стала,
 Кричи же «Ура»!
 За дело нам взяться
 Настала пора.
 Ура! Мы свободны!..
 Нет, нет — это сон,
 В тюрьме, пробудившись,
 Услышал я стон.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Ведь это любезная
 Песня твоя.
 С детьми разлученных
 Отцов, матерей,
 И в храмах молитвы
 За русских царей.
 Россия, Россия,
 Федора моя,
 Быть вечною дурой
 Вот участь твоя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александр II, как и отец его — Николай I, увлекался формами военного обмундирования, выпушками, петлицами, фасонами головных уборов и т. п.

² Подразумевается жена Александра II Мария Александровна, урожденная принцесса Гессенская. В России подвизалась, как ревнительница православия, была покровительницей общества распространения православия среди «киноверцев-инородцев».

³ Здесь подразумевается Ф. М. Достоевский.

⁴ «День» — еженедельная газета славянофильского направления, выходившая в Москве с конца 1861 г. по 1868 г. под редакцией И. С. Аксакова.

⁵ М. П. Погодин (1800—1875) — историк и публицист реакционного направления, доказывавший, что революции являются порождением «гнилого Запада».

⁶ Автор имеет в виду статьи А. А. Фета в «Русском Вестнике», в которых он описывал, как крестьяне «притесняют» помещиков.

⁷ Разумеется, повидимому, поэт и драматург Алексей К. Толстой.

⁸ К. Н. Леонтьев (1831—1891) — реакционный публицист, соратник Каткова, сотрудник «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей».

⁹ В. Д. Скарятин — редактор крепостнической газеты «Весть» с 1863 по 1870 г.

¹⁰ Здесь имеется в виду подготовлявшаяся в 60-х годах реформа классического образования в средней школе с введением греческого и латинского языков для борьбы с революционным направлением учащейся молодежи.

¹¹ Графы Адлерберги — В. Ф. (1790—1884) и его сын А. В. (1819—1889) — одни из наиболее близких друзей Александра II; оба были министрами императорского двора; первый с 1852 по 1870 г., а второй с 1870 по 1882 г.

¹² А. В. Долгоруков, кн. (1804—1868) — в 60-х годах шеф жандармов.

¹³ Ф. Ф. Берг (1793—1874) — генерал-фельдмаршал, наместник царства Польского, усмиритель польского восстания 1863 г., за что получил графский титул.

¹⁴ М. Н. Муравьев, граф (1796—1866). Вошел в историю под кличкой «Муравьева-вешателя». Виленский генерал-губернатор; свирепо усмирал польское восстание 1863 г. множеством виселиц, сжиганием сел, выселением целых районов, отправкой в тюрьмы и в ссылку в Сибирь десятков тысяч поляков.

¹⁵ А. М. Горчаков, кн. (1798—1883) — министр иностранных дел. Во время польского восстания 1863 г. выступил с нотой, отвергавшей вмешательство европейских держав в «русско-польскую распрю».

V. НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Н. С. КУРОЧКИНА

Публикация Ф. Витязева

Участие русских писателей в заграничном революционном издании Лаврова «Вперед!» (1873—1876) — одна из интереснейших литературных проблем, которая еще ждет своих исследователей. До сих пор нам пока известно о сотрудничестве в журнале «Вперед!» Г. И. Успенского (см. фельетон «Шила в мешке не утаишь», «Вперед!», 1876 г., № 25, от 15 января, стр. 3—10) и Г. А. Мачтета (см. его стихотворение «Последнее прости» — «Вперед!», 1876 г., № 33, от 15 (3) мая, стр. 284, а также корреспонденцию «Из Петербурга» в том же номере, стр. 286—288, о бегстве из Д. П. З. С. Ф. Ковалика и П. И. Войнаральского). Кроме того, имеются основательные соображения, указывающие на участие в этом органе М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. статью «П. Л. Лавров и М. Е. Салтыков» — «Литературное Наследство», 1934 г., № 13—14, стр. 1098). В настоящее время к этим трем именам мы имеем возможность прибавить имя поэта Н. С. Курочкина.

При просмотре «Вперед!» за 1875 г. обращает на себя внимание стихотворение «В память июньских дней 1848 года» (см. № 13 от 15 июля, стр. 399—400). Под стихотворением стоит дата — «Париж, 27 июня 1875 г.». Как известно, Лавров сам очень часто «грешил» стихами. Но в данном случае не он является автором упомянутого стихотворения. Во-первых, Лавров в 1875 г. жил в Лондоне, а под стихотворением стоит «Париж». Во-вторых, самый характер стихотворения явно не лавровский. Кто же из русских писателей мог написать это стихотворение?

Для решения этого вопроса нужно сначала выяснить другой вопрос: кто из русских поэтов в 1875 г. находился в Париже? Точный ответ на этот вопрос дают письма М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову, при чем в них определенно называется имя поэта Н. С. Курочкина. Так, например, в письме из Парижа от 9 сентября 1875 г. Салтыков ему пишет: «Н. С. Курочкину поручение Ваше передал: он обещал исполнить и Вам ответить». В другом письме, от 17 октября за 1875 г. и тоже из Парижа, Салтыков сообщает Некрасову, что «Курочкин живет у Веретеникова: Rue Cadet, 4, hôtel de Hollande». И, наконец, в третьем письме, от 10 ноября 1875 г., Салтыков спешит известить Некрасова о том, что «Курочкин переехал на новую квартиру rue de l'Echiquier, 51» (см. М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма 1848—1889 г.» ГИЗ. Л. 1924 г., стр. 90, 97—98 и 105).

Ясно, что Н. С. Курочкин в 1875 г. действительно жил в Париже. Что именно он и есть автор вышеупомянутого стихотворения, подтверждается целым рядом соображений. Во-первых, стихотворение «В память июньских дней 1848 г.» действительно очень близко и по теме и по стику к творчеству Н. С. Курочкина. Во-вторых, личные отношения Курочкина к Лаврову могли побудить его принять участие в газете «Вперед!». Дело в том, что Курочкин был близко знаком с Лавровым еще с начала 60-х годов. Об этом довольно определенно говорят современники этой эпохи. Так, например, Штакеншнейдер в своих дневниках отмечает, что Лавров в августе 1861 г. бывал на квартире Василия Степановича Курочкина в связи с организацией Шахматного клуба (см. «Из дневников Е. А. Штакеншнейдер» — «Голос Минувшего», 1916 г., № 4, стр. 45). Не подлежит никакому сомнению, что он здесь встречался с Н. С. Курочкиным, который, как известно, был очень дружен со своим братом. Мало того, из письма поэта М. И. Михайлова к Лаврову от 14 августа 1861 г. видно, что по делам этого клуба Курочкин даже бывал на квартире Лаврова (см. «Книга и революция». П.-град. 1922 г., № 6 (18), стр. 14—15). Другой современник этой эпохи — В. В. Лесевич рассказывает, что Лавров и Н. С. Курочкин в 1864 г. выступали одновременно «на частном литературном вечере, на котором читали свои произведения» (см. «В. В. Лесевич. Страничка воспоминаний» — сборник «На славном посту», СПб. 1900 г., стр. 155). Но, кроме свидетельств современников, есть еще ряд документальных данных, указывающих на близкое знакомство Курочкина с Лавровым. Сюда прежде всего относятся показания самого Н. С. Курочкина, имею-

щиеся в деле Н. Д. Ножина, в которых он говорит о своем знакомстве с Лавровым (см. «Былое», 1924 г., № 23, стр. 52). Другой факт, относящийся к знакомству Курочкина с Лавровым, в высшей степени примечателен. 3 апреля 1866 г. скончался Н. Д. Ножин. Врач Марьянской больницы, в которой умер Н. Д. Ножин, П. К. Конради, спешит об этом известить Н. С. Курочкина, близкого друга покойного Ножина. С этой целью П. К. Конради прибегает к помощи Лаврова. Он немедленно пишет ему письмо, которое начинается следующей фразой: «Петр Лаврович! Передайте, пожалуйста, Курочкину (адрес которого мне неизвестен), что Ножин умер сегодня утром, в 8½ часов» (см. *Ibid.*, стр. 53). Является вопрос: почему в столь срочном и неотложном деле Конради обратился не к кому другому, а именно к Лаврову? Объясняется все это довольно просто. П. К. Конради был очень близок к Лаврову и довольно часто бывал у него в доме вместе со своей женой Евгенией Ивановной Конради, известной общественной деятельницей в деле женского образования. П. К. Конради великолепно знал весь круг знакомых Лаврова и все его дружеские связи. Очевидно, у Конради были весьма веские основания полагать, что Лавров находитесь с Курочкиным в близких отношениях, раз в столь исключительном случае он обратился именно к нему. И Конради в данном случае не ошибся в своих расчетах. Лавров немедленно переслал письмо Конради Курочкину, сделав на нем следующую приписку: «Многоуважаемый Николай Степанович, посылаю Вам в оригинале печальную записку Конради. Жалею, что молодые силы погибли рано, хотя я не сочувствовал Ножину, но искренне жалею о нем» (см. сборник «Звенья», т. II, изд. «Academia». М.—Л. 1933 г., стр. 485). Из всего сказанного мы видим, при каких исключительных условиях пересекались иногда жизненные пути Лаврова и Курочкина в эпоху 60-х годов. Не надо еще забывать, что Н. С. Курочкин в 1861 г. был сотрудником «Энциклопедического Словаря», который редактировал Лавров (см., например, его статьи: т. II, стр. 116—117 и т. III, стр. 365). В связи с этим сотрудничеством у Курочкина, несомненно, могли быть неоднократные личные встречи и свидания с Лавровым.

Сохранился, наконец, еще и другой крайне любопытный памятник дружеских отношений Лаврова с Курочкиным. Я имею в виду неопубликованное письмо Курочкина к Лаврову от 7 июля 1875 г., хранящееся в ИМЭЛ, в архиве Лаврова. Письмо это является наглядным и притом весьма убедительным доказательством того, что их дружеские отношения продолжались и в период эмиграции Лаврова. Повидимому, Курочкина не испугала революционная деятельность Лаврова, связанная с изданием нелегального журнала «Вперед!». Он попрежнему продолжал поддерживать с ним дружескую связь и переписку. Весь тон и характер этого письма подтверждают это предположение. Особенно в этом отношении интересен конец письма, где Курочкин поднимает даже вопрос о личном свидании с Лавровым. «Повидаться с вами,—пишет он ему,—хотел бы искренно и если бы был хоть несколько поздоровее, то съездил бы в Лондон».

С другой стороны, из этого письма видно, что Лавров был в курсе всех жизненных этапов Курочкина. Так, например, он не только знал, что Курочкин находится за границей, но даже имел его точный адрес для личных сношений. Мало того, он даже послал ему свой труд «Опыт истории мысли». Книгу эту Лавров рассылал, как известно, всем близким друзьям, и, очевидно, Курочкин находился в их числе, раз Лавров сделал ему этот подарок. Между прочим, эту работу Лавров послал также и К. Марксу со следующей надписью: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения». Экземпляр этот сохранился в библиотеке Академии Наук. В нем имеется целый ряд отметок, сделанных рукою К. Маркса (см. стр. 98—120, а также стр. 104 и 106). По ним видно, что К. Маркс очень внимательно читал «Опыт истории мысли» (см. «Ленинградскую Правду» 1936 г. от 18 июня, № 139). Послал свою книгу Лавров и Ф. Энгельсу, который также сделал по поводу ее целый ряд любопытных замечаний (см. Ф. Энгельс, «Диалектика природы», изд. 6-е. Партиздат. М. 1932 г.,

стр. 32, 245, 284). Значение письма Курочкина усугубляется еще тем, что оно является единственным уцелевшим письмом из всей его переписки с Лавровым. Помимо всего прочего, письмо это относится к эпохе, когда Лавров издавал нелегальный «Вперед!», и как раз к тому году и месяцу, когда Курочкин сотрудничал в этом органе. При решении вопроса о возможности его сотрудничества письмо это имеет далеко немаловажное значение. Не надо забывать, что большинство писем к Лаврову, связанных с журналом «Вперед!», было уничтожено (см. Н. Г. Кулябко-Корецкий, «Из давних лет», М. 1931 г., стр. 228), а то, что уцелело из этой переписки, не попало в личный архив Лаврова. Эти письма надо искать в архиве «Вперед!», остатки которого после различных пертурбаций оказались, наконец, в русском социал-демократическом архиве, основанном Д. Г. Бебутовым и находящемся сейчас в Париже (см. «Летописи марксизма», М. 1930 г., № II (XII), стр. 155). Впрочем, вряд ли там могли сохраниться письма Курочкина, так как уничтожению подверглись главным образом материалы, относящиеся к легальным сотрудникам и корреспондентам «Вперед!».

Письмо Курочкина, несомненно, может вызвать ряд недоуменных вопросов. Дело в том, что из этого письма видно, что Курочкин с 7 июня по 7 июля 1875 г., т. е. целый месяц, находился в г. Диеппе. Другими словами, стихотворение «В память июньских дней» он мог написать только в этом городе. Между тем, во «Вперед!» под этим стихотворением имеется следующая вполне определенная дата—«Париж, 27 июня 1875 г.» Как объяснить это явное противоречие? Не является ли оно тем фактом, который отрицает всякую возможность авторства Курочкина? Объясняется все это довольно просто. Диепп — это курорт, известный своими морскими купаниями. Для Курочкина он явился кратковременным местожительством на летнее время. Париж же был для него постоянным местом жительства за границей. Из письма Курочкина мы видим, что он поехал в Диепп по предписанию профессора Шарко и пробыл в нем всего 1½ месяца. После этого последовала поездка в Булонь, а затем Курочкин к осени вернулся в Париж. Из писем М. Е. Салтыкова к Н. А. Некрасову видно, что он в самом начале сентября уже находился в Париже (см. М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма», ГИЗ, Л. 1924 г., стр. 90, 97—98). Тот же факт подтверждается также письмом Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову (см. «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину», изд. Всесоюзной Библиотеки им. Ленина, М. 1935 г., стр. 22). Курочкину не было никакого смысла ставить под своим стихотворением г. Диепп, который являлся чисто случайным эпизодом в его жизни, в то время как Париж был для него тем центром, с которым была связана вся его литературная деятельность, как сотрудника «Отечественных Записок» по отделу иностранной жизни. Да и сама тематика стихотворения, связанная с французской революцией 1848 г., как-то невольно требовала, чтобы под ним стояло слово «Париж», в котором разыгрывались сами события, а не малоизвестный «Диепп». Это тем более понятно, если принять во внимание, что стихотворение писалось Курочкиным специально для социалистической и революционной газеты.

У Курочкина был еще целый ряд весьма серьезных политических соображений, по которым он не мог ставить под стихотворением слово «г. Диепп». Не надо забывать, что Курочкин еще в 1862 г. состоял под секретным наблюдением царской полиции в связи с его сношениями с «лондонскими пропагандистами». После выстрела Каракозова Курочкин 12 апреля 1866 г. был арестован и 4 месяца сидел в Петропавловской крепости. 21 августа того же года он был освобожден, но подчинен строгому полицейскому надзору. А само дело Курочкина, начатое Муравьевской комиссией, тянулось целых 5 лет и было закончено лишь 7 мая 1870 г. Постоянное сотрудничество Курочкина в таком ярко оппозиционном и радикальном органе, как «Отечественные Записки», не могло не усилить тайного надзора за ним со стороны III отделения. Ясно, что все его письма из-за границы на имя редакции «Отечественных Записок» перлюстрировались. Царская полиция не могла не знать о переезде Курочкина в Диепп. Надо помнить еще, что Диепп—небольшой приморский городок, который в 1875 г.

насчитывал всего лишь 20 тысяч жителей. Русские эмигранты в нем никогда не жили, и он всегда был в стороне от всякой политической жизни. Возможно, что в 1875 г. единственным русским человеком во всем Диеппе и был только один Курочкин. При наличии всех этих условий написать под стихотворением «Диепп» было равносильно тому, чтобы поставить под ним полную подпись Курочкина. Сделать подобный акт политического самоубийства Курочкин, конечно, не мог, и он предпочел датировать свое стихотворение словом «Париж», прекрасно зная, что этот крупнейший город Европы является одним из центров русской политической эмиграции. Как увидим ниже, Г. З. Елисеев считал, что даже слово «Париж» в данном случае было опасно для Курочкина в политическом отношении.

Есть еще одно косвенное соображение, указывающее на авторство Курочкина. Официальный историк русского революционного движения Н. Н. Голицын определенно называет Н. С. Курочкина в числе сотрудников журнала «Вперед!» (см. «Историю социально-революционного движения в России 1861—1881 гг.», глава X, СПб. 1887 г., стр. 61). Правда, источник этот, составленный исключительно на основании «секретных», «агентурных» и иных сведений, всегда требует тщательной проверки, но в данном случае указание жандармского историка Н. Н. Голицына не только не противоречит, но целиком совпадает с другими фактами, определенно говорящими нам за участие Курочкина в журнале Лаврова.

В заключение приведем еще одно соображение, подтверждающее авторство Н. С. Курочкина. Мы имеем в виду крайне интересное место из письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову от 12 июня 1875 г. Написано оно из Берлина, где в руки Елисеева попал «Вперед!». Вот что пишет в нем Елисеев: «прочел здесь несколько №№ газеты «Вперед!». В № 13 стихотворение: «В память июньских дней 1848 года». Стоит только знакомому немножко с нашей литературой прочитав это стихотворение, чтобы знать, кому оно принадлежит. Хоть бы подписал бы под ним: Сан-Франциско, Нью-Йорк, Иеддо, одним словом, — что угодно, только не Париж. Нет пишет непременно: Париж. Такие все чудачки!» (См. «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину», изд. Всесоюзной Библиотеки им. Ленина, М. 1935 г., стр. 20. Между прочим, в примечании к этому письму комментатор И. Р. Эйгес на стр. 200 вполне правильно высказывает предположение о принадлежности этого стихотворения Н. С. Курочкину).

Из письма Елисеева прежде всего ясно видно, что автор стихотворения не эмигрант, а какой-то известный русский писатель, которого даже очень легко узнать. Это обстоятельство несомненно тревожит Елисеева, и в письме его определенно проскальзывает опасение за судьбу автора. Именно эта тревога и вызывает у него возмущение против самого автора, который не умеет соблюдать основных правил литературной конспирации. Невольно возникает вопрос: не является ли анонимный автор стихотворения близким для Елисеева человеком, если он так легко узнает его произведение, да к тому же еще тревожится за его судьбу? И, наконец, второй вопрос: почему Елисеев даже написал об этом М. Е. Салтыкову? Не является ли анонимный автор их общим знакомым, которого они оба хорошо знают?

Все эти вполне законные вопросы получают немедленное разрешение, если признать, что автором анонимного стихотворения является Н. С. Курочкин. Дело в том, что для Елисеева Н. С. Курочкин был очень близким человеком по их многолетней, совместной работе в «Искре». Именно Елисеев пригласил затем Курочкина сотрудничать в «Отечественных Записках» с момента перехода их в 1868 г. от А. А. Краевского в руки новой редакции, состоящей из Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева и М. Е. Салтыкова. Не надо еще забывать, что в 1875 г. Н. С. Курочкин находился в Париже, как специальный сотрудник «Отечественных Записок» по отделу иностранной жизни и литературы, о чем разумеется, прекрасно знали и Елисеев и Салтыков.

После сказанного становится понятным, почему Елисеев, взявши «Вперед!», сразу обратил внимание на стихотворение «В память июньских дней 1848 года»

и, узнав анонимного автора, проявил такую тревогу по поводу его плохо законспирированного сотрудничества в журнале «Вперед!» и немедленно сообщил об этом Салтыкову.

Думаем, что приведенные соображения дают достаточные основания признать Н. С. Курочкина автором анонимного стихотворения «В память июньских дней 1848 года», которое, несомненно, является любопытным памятником русской революционной поэзии 70-х годов.

В ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ 1848 ГОДА

Нету работы... семья голодает...
 Двое малюток припали к отцу,
 Рвут на нем платье, есть просят, рыдают...
 Мать на них молча глядит и страдает...
 «Полноте, дети,—отец утешает—
 Наши страданья приходят к концу:
 Хлеба нам или свинцу
 Завтра республика дать обещает».

Сдвинуты брови, и скрещены руки
 На молодецкой широкой груди,
 Люди по улицам идут, и звуки
 Песни их прозной исполнены муки:
 «Завтра раздастся здесь пром боевой;
 Знайте же, братья: вас ждет впереди
 Хлеб на столе или пуля в груди
 После борьбы роковой!»

Знамя над прудою камней взвивается...
 Строит народ баррикаду...
 Завтра он здесь умирать собирается.
 Здесь для свободы алтарь воздвигается;
 Здесь новой жизни заря загорается.
 Людям грядущим в урок!
 Будет героям награда
 Пуля иль хлеба кусок!...

Тени ночные спустились над зданьями...
 Полон решимости мрачный народ:
 Завтра он кончит с своими страданьями!
 Полный надеждами и ожиданиями,
 Жаждою полный борьбы,
 Целую ночь он очей не сомкнет.
 Завтра он хлеб или пулю возьмет
 С бою у грозной судьбы!...

Париж, 27 июня 1875 г.